

Киттерийский Закат

Богдан
Сушинский

секретный фарватер

Богдан Иванович Сушинский
Киммерийский закат
Серия «Секретный фарватер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10399637

*Б. И. Сушинский. Киммерийский закат: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7654-3*

Аннотация

В основу нового увлекательного остросюжетного романа известного писателя Богдана Сушинского положены события, посвященные «августовскому путчу» 1991 года и последним дням существования СССР.

В этом романе-версии автор дает оригинальную трактовку событий, происходивших в то время в Крыму, в резиденции Президента Советского Союза, а также способствовавших зарождению на полуострове бизнес-клана «новых русских», основанного на «деньгах партии», и вращающегося в него вчерашней партийной номенклатуры и силовиков.

Содержание

Часть первая. Кремлевский излом	5
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Богдан Сушинский

Киммерийский закат

© Сушинский Б. И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

Часть первая. Кремлевский излом

1

Президент Русаков в последний раз взглянул на наброски своего выступления и, подойдя к окну, несколько минут отрешенно созерцал открывавшуюся часть голубовато-лазурного залива.

Сторожевой корабль пограничной охраны застыл как раз напротив окна, и Русаков вдруг подумал, что одного неосторожно выпущенного снаряда этого морского красавца было бы вполне достаточно, чтобы разнести его виллу, вообще всю его резиденцию в клочья.

«Неосторожно выпущенного!.. – мрачно ухмыльнулся Президент. – А что... если понадобится, ОНИ придумают и не такое объяснение».

Под этим «они» Русаков конечно же имел в виду не командование сторожевика. Латиноамериканского варианта военного путча он как раз не опасался. Все было значительно сложнее: путч созрел не в солдатских казармах и не в офицерской среде, а в самых высоких эшелонах власти – по существу, в стенах самого Кремля. Никогда еще Президент не чувствовал шаткость своего положения с такой остротой; никогда еще не находился он в такой близости от гибели, причем не только политической.

«Интересно, видят ли меня сейчас из кубриков корабля? – попытался Русаков отвлечься от горьких раздумий о превратностях своего кремлевского бытия. – Наверное, видят».

Президент знал, что в свои сверхмощные бинокли морские особисты просматривают значительную часть его крымской ставки, а коль так, то все может быть...¹ Да, конечно же они все видят и откровенно завидуют, не догадываясь, что Президент почти так же тайно завидует им. Любому, наугад взятому. Словом, убрать бы этот сторожевик, чтобы не мозолил глаза и не мешал работать над выступлением...

Но Русаков понимал, что убрать его нельзя, потому как не положено из соображений безопасности. Этому «не положено» обязаны были подчиняться все, в том числе и он, все еще каким-то чудом удерживавшийся на троне властителя величайшей из мировых держав.

Звонок телефонного аппарата заставил его внутренне содрогнуться. Не оглядываясь, по звуку трели, он определил, что это ожила линия внутренней связи. Ожить-то она ожила, но с какой стати? Никаких звонков в это время он не ждал. И вообще... По «внутренней» его тревожили крайне редко. В особых случаях, быть которых в это время не должно.

– Товарищ Президент? – раздался в трубке слегка хриловатый и в то же время по-армейски жесткий голос. – Извините. Докладывает полковник Буров.

– Кто-кто? – поморщившись, переспросил Русаков.

– Полковник Буров, – ничуть не смутившись, подтвердил офицер. Наоборот, теперь голос полковника показался еще более вызывающим. – Начальник охраны резиденции Президента.

«Уже не «охраны вашей резиденции», а «охраны резиденции Президента»! – резануло Русакова, которого вдруг начала задевать любая мелочь, даже этот суховатый «уставной»

¹ Речь идет о событиях, относящихся к «августовскому путчу» 1991 года и подтолкнувших республики, входившие в состав СССР, к провозглашению независимости. Несмотря на используемые в романе исторические факты, воспоминания действующих лиц и документы той поры, автор предупреждает, что это произведение – художественное, в котором фамилии действующих лиц изменены и отражение событий происходит по законам жанра. Поэтому изучать историю путча по этому роману не стоит, а прямые аналогии неуместны. (Здесь и дальше – сноски автора.)

тон недавно назначенного начальником охраны то ли кагэбиста, то ли военного разведчика, в котором уже не ощущалось никакой службистской дрожи.

– Слушаю вас очень внимательно, – нервно, с надлежащим в таких случаях высокомерием отреагировал Русаков.

– Товарищ Президент, тут прибыла группа товарищей из Москвы. Просят срочно принять их.

Услышав это, Русаков решительно и почти похмельно покачал головой, просто отказываясь верить в то, что ему говорят.

– Какая еще «группа товарищей»?!² – по слогам, и даже не пытаюсь скрывать сарказма, спросил хозяин виллы.

– Не могу знать, товарищ Президент.

– Какая такая группа, полковник?! Вы о чем это?

– Простите, товарищ Президент, но речь идет о товарищах, специально прибывших на встречу с вами из Москвы.

– Слышал, что из Москвы, полковник Буров, слышал. Но я никого не приглашал. Где они сейчас, на внешнем контрольно-пропускном пункте?

– Никак нет! Уже на территории. Недалеко от моей караулки, у внутреннего поста.

«Вот так вот, взяли и пропустили?! – изумился Президент. – Не получив моего согласия и даже не уведомив о прибытии? Что здесь, черт возьми, происходит?!».

– Кто-то из них находится сейчас рядом с вами?

Буров слегка замялся и неуверенно ответил:

– Никак нет, товарищ Президент. Но если вы прикажете, я могу пригласить их руководителя.

Врет, понял Русаков, кто-то из этой «группы товарищей» наверняка находится в кабинете рядом с ним. И на обман полковник решился лишь после того, как этот, из «группы товарищей», жестами приказал ему молчать.

Еще не зная, из кого именно состоит эта группа, Президент понял, что действительно произошло нечто из ряда вон выходящее, потому что просто так некая «группа товарищей» к нему, без предупреждения, не получив согласия, не прилетела бы. Тем более что официально он находится в отпуске.

В ту же минуту в кабинет несмело вошел его помощник Иван Веденин.

«В курсе?» – взглядом спросил его Президент, скосив глаза на трубку.

Тот, ничего не выясняя, решительно покачал головой. Но именно то, что он поспешил отмежеваться от московских гостей, даже не пытаюсь уточнить, о ком или о чем идет речь, вызвало у Русакова подозрение. Глаза его недобро блеснули и угасли. Уж кто-кто, а старший помощник обязан был знать все. Даже то, что знать ему категорически не положено. Иначе на кой черт он здесь нужен?

Но если и помощник заодно с «группой товарищей», то как все это воспринимать? Пока он, глава «необъятной», загорает на пляже своей крымской резиденции, в Москве составляют против него заговор? Так, что ли, получается?!

– И все же: кто, конкретно, прибыл? – вновь обратился Президент к Бурову. – Не слышу членораздельного ответа.

– Вам зачитать весь список московских товарищей? – осторожно поинтересовался охранник.

² Следует знать, что определением «группа товарищей» в советские времена обычно подписывали некрологи, связанные с партноменклатурными должностными лицами.

– Именно, полковник! Что вас так удивляет? Должен же я знать, какие такие... из «группы товарищей» врываются на территорию моей резиденции. Имена у этих «московских товарищей», надеюсь, имеются?

Полковник вновь замаялся и, прикрыв трубку ладонью, принялся с кем-то перешептываться, еще раз подтвердив таким образом, что кто-то из незваных гостей все-таки находится рядом с ним и даже пытается дирижировать событиями.

– Вы слышите меня, полковник? Я попросил вас назвать имена этих... товарищей.

– Прошу прощения, товарищ Президент, – довольно спокойно молвил Буров. – Вот, только что, один из сотрудников охраны передал мне список ответственных лиц, прибывших из Москвы, – тянул резину полковник, медленно разворачивая (по шуршанию определить это было нетрудно) сложенную вчетверо бумагу.

– Ну, относительно того, насколько они в самом деле «ответственные», – мы, знаете ли, будем разбираться. И вообще, что это за группа такая?

Буров дипломатично побряхтел, давая понять, что не намерен вникать в суть их «кремлевско-престольных» разборок.

– Итак, из списка следует, что возглавляет группу вроде бы товарищ Вежинов, – произнес он.

– Так «вроде бы» или действительно возглавляет? – Русаков явно менял тактику. Он уже не пытался жать на начальника охраны, наоборот, старался говорить доверительно, превращая полковника из безразличного ко всему происходящему здесь служаки в союзника, в настоящего телохранителя. Тем более что он вспомнил: Буров был представлен к званию генерала, и вопрос, кажется, решен.

– Здесь не указано, что возглавляет именно Вежинов, однако в списке прибывших первым значится он.

«Еще бы! Все-таки секретарь ЦК КПСС по идеологии», – медлительно расшифровал это имя из «группы товарищей» Президент. Кстати, он заметил, что полковник не знает этих людей и называет их фамилии по чьей-то подсказке. Судя по всему, список составлен был наспех, от руки, а почерк оказался неразборчивым. Попутно Русаков вспомнил, что именно Вежинов ввел в кремлевский обиход его оригинальное должностное определение – «генсек-президент», напоминая тем самым, что Президент страны одновременно является и генсеком ЦК, о чем в «перестроечной» суеде многие стали забывать. И Русаков готов был признать, что это на европейский лад, словно особый титул, звучащее «генсек-президент» ему нравилось.

– Докладываю также, что вместе с ним прибыл товарищ Дробин...

– И Дробин – тоже? Вот он, оказывается, где?!

Полковник в замешательстве помолчал, не зная, как реагировать на этот возглас руководителя страны.

«Я полдня ищу этого разгильдяя!» – мысленно проворчал тем временем Русаков, вспомнив, что по телефону велел одному из оставшихся в Кремле референтов разыскать руководителя своего аппарата, до которого старший помощник Веденин никак не мог дозвониться. – Правда, теперь уже возникал вопрос: действительно ли помощник не смог дозвониться или же попросту не желал?» – все основательнее предавался генсек-президент своим подозрениям в заговоре.

– Дальше идут: генерал армии Банников...

«Замминистра обороны, главком Сухопутных войск?! – изумился Русаков. – Ему что здесь понадобилось, да еще и в составе «группы товарищей?!».

– А сам министр обороны маршал Карелин прибыл?

– Никак нет, не замечен, – ответил полковник после некоторой заминки.

– Вот именно, пока что «не замечен». Тогда как здесь оказался главком Сухопутных войск? Ему-то кто позволил появляться в резиденции Президента, в которой по должности без вызова ему вообще появляться не положено?

– Не могу знать, товарищ Президент.

– Так выясните.

– Прошу прощения, но теперь уже мне, по званию и должности, прибегать к подобным выяснениям не положено. Это удобнее было бы выяснить вашему помощнику. К тому же главком уже здесь, и с этим приходится считаться.

«... Уже хотя бы потому, что за всяким главкомом стоит все сухопутное воинство, целая армия», – мысленно поддержал его руководитель страны, наконец-то улавливая в голосе полковника, в этих его словах «... и с этим приходится считаться», некую доверительность.

Буров перестал строить из себя «незнайку», и, по существу, предупреждал его, что просто так, по личной прихоти или каким-то служебным делам, главком в крымской резиденции главы державы появиться действительно не может. И что прихватили его с собой «московские товарищи» только с одной целью – для силового устрашения.

А затем генсек-президенту пришлось напрячь всю свою фантазию, чтобы понять, причем здесь некий «товарищ Вальяжнин».

– Это еще кто такой – Вальяжнин? – мрачно поинтересовался он.

– Не могу знать, товарищ Президент. Но случайных людей в списке быть не может. Кстати, мне подсказывают, что, как выяснилось, группу «московских товарищей» сопровождают начальник управления охраны КГБ генерал-лейтенант Цеханов и генерал-майор госбезопасности Ротмистров, а значит...

Только теперь генсек-президент вспомнил: ба, так ведь Вальяжнин – является недавно введенным в состав членом Политбюро ЦК КПСС, поскольку назначен первым заместителем председателя Госкомитета по обороне! Из числа, так сказать, военно-промышленных производителей.

К тому же, стало ясно, почему вдруг «группа товарищей» столь легко проникла на территорию резиденции: ее провел генерал кагэбэ Цеханов. Кто из президентской охраны решился бы не впустить на территорию резиденции своего все сильного шефа?!

2

... Теперь уже Курбанов почти физически ощущал, как взгляд вишневых – с сиреновой поволокой – глаз женщины лазером пробивает, буквально вбуравливается ему в затылок, взбудораживая сознание и вызывая раздражающее чувство дискомфорта.

«Вынуждает обратить на нее внимание, вступить в контакт?! – мрачно удивился майор. – Ну, так вот он я, маз-зурка при свечах!» – и, протиснувшись между рыхлыми телесами двух женщин и дурно пахнущим бомжом, вновь оказался рядом с брюнеткой.

С любопытством проследив за его приближением, женщина демонстративно отвернулась к окну. Однако Курбанов не торопился обходить ее. За флирт надо было расплачиваться. Виктор умышленно протискивался так, чтобы поочередно коснуться ногами ее бедра, вдохнуть изумительный аромат духов, внимательнее присмотреться к профилю.

Женщине было под тридцать. Любовно отточенные черты смугловатого европейского лица умилительно сливались с едва уловимыми очертаниями азиатского лица, а смоль волос представлялась ему настолько натуральной и такой манящей, что Виктор едва сдерживался, чтобы не запустить в нее пальцы.

Женские волосы всегда были его слабостью. Если он когда-либо и влюблялся, то не в лицо, не в стан, и не в «бедростую» походку, а именно в волосы. Однажды даже вынужден был расстаться с прекрасной женщиной, буквально взрывающейся гневом при каждой

попытке Виктора пройтись пальцами по ее густоволосому, курчавому и, как терновник, жесткому затылку. Притом что он так и не понял, почему подобные прикосновения вызывали у избранницы столь яростное невосприятие.

– Вы так наклонились надо мной, мужчина, словно чего-то там, на моем затылке, упорно ищете, – не теряла присутствия духа обладательница телесной роскоши.

– Родинки на плечах считаю.

– Во-от как?! И много их там?

– Всего две. – Чтобы не привлекать всеобщее внимание, они общались вполголоса, едва выговаривая слова.

– Странно, все остальные мужчины насчитывали по три. Плохо стараетесь, кабальеро.

– Значит, до третьей пока не добрался, – еще беспардоннее склонился над ней Курбанов, сожалея, что так и не решится оттянуть ворот платья.

– Уж не собираетесь ли припадать к каждой из них? – иронично, хотя и с легкой тревогой, поинтересовалась женщина.

– Пока что не... собираюсь.

– А стоило бы.

«Ну, знаешь! – изумился Курбанов, окончательно сраженный ее неуязвимостью. – Интересно, как бы ты отреагировала, если бы действительно стал припадать?! Причем к каждой из трех, маз-зурка при свечах!»

Виктор и дальше нависал над ее охваченными белой штормовкой покатыми, аристократически-развернутыми плечами, хотя прекрасно понимал, что смущает женщину и что рано или поздно терпение ее должно было иссякнуть.

Пройдясь краем глаза по стоявшим в салоне вместительного автобуса пассажирам, он вновь решительно наклонился и едва ощутимо прикоснулся губами к завиткам на ее шее.

Женщина поежилась, повела плечами, но так и не повернулась к нему.

– Теперь-то вы наконец остынете, сир?

– Постараюсь, только вряд ли удастся.

Смуглянка медленно, словно бы утоляя боль, покачала головой.

– Люди же вокруг.

– Они понятливые.

– А скандал, который мне придется учинить, предварительно приведя вас в чувство?

– Так ведь родинки на шее считаю – только-то и всего, маз-зурка при свечах.

Двумя пальцами он все же слегка оттянул ворот платья и заглянул за него, осматривая оголенную спину. «Любая другая давно съездила бы по физиономии. Эта же, маз-зурка при свечах, молчит; странно...»

– Когда настоящий мужчина припадает к моей спине... ему уже не до переучета родинок, – сладострастно мстила ему брюнетка.

– Еще бы!

– Вот только я уже забыла, когда в последний раз это случилось.

«Слишком упрощенный сценарий», – опять усомнился Курбанов. Весь его мужской опыт свидетельствовал, что на самом деле так не бывает. То, что он только что услышал, грубо смахивало на призыв самки. Тем более что у него были все основания не верить этой смазливой паршивке относительно того, будто она действительно забыла, «когда в последний раз это случилось».

Уже нутром почувствовав, что что-то тут не так, Виктор вновь, только пристальнее, осмотрелся. Ничего подозрительного. Обычная, полусонная-полуидиотская атмосфера вечернего автобуса: одни уткнулись – кто в газету, кто в книгу; другие благопристойно дремлют или столь же благопристойно обнимаются.

Подозрение вызывал лишь стоявший чуть позади, слева, мордovorот с армейской стрижкой и гладко выбритым затылком, от которого за версту несло дешевым одеколоном из третьеразрядной парикмахерской. Но если эта паршивка в самом деле предстает в качестве приманки, то на сей раз дешево наодеколоненного дебила окажется маловато, маз-зурка при свечах. Готова ли она смириться с этим?

– Вот видите: сразу же приумолкли и занервничали, – вернула его к суровой реальности женщина. Она все еще вела себя так, словно лично ее в этом мире уже ничто не волновало.

– Так уж и занервничал! – едва слышно пробормотал Виктор, не поверив ее безмятежности.

– И не пытайтесь оправдываться.

Впервые Курбанов заметил ее еще на конечной остановке. У станционного навеса брюнетка появилась вслед за ним, однако остановилась в пяти шагах, у киоска. Не скрывая своего интереса, жадным – именно жадным! – взглядом прошла по его лицу, по облаченной в плотно облегающий серый плащ фигуре – только что прошел дождь, и с моря потянуло далеко не летней прохладой; по зеленой «адидасовской» сумке, очевидно, вмещавшей в себе все скромное состояние мужчины.

– Я не оправдываться пытаюсь, а понять, что за всем этим последует, – уведомил Курбанов, обращаясь к ее величественной спинке.

– За чем, «за всем этим»?

– За флиртом.

– Но ведь вам лучше знать, что именно должно последовать за... вашим флиртом.

– Точнее, за нашим с вами... Так сказать, обоюдным, – уточнил Курбанов.

Стрижка у брюнетки была довольно короткой, равной по всей голове, так что прическа напоминала германский шлем, а главное, что Курбанову она нравилась. Как нравилось и все остальное в этой женщине. Она вообще принадлежала к тем особам, которые попросту не могут не нравиться. Не зря же этот парень с луженым армейским затылком и в синеватом пятнистом френче так устоялся на нее.

– Скорее всего, за ним последует остановка, на которой вам придется выйти.

– Не удивлюсь, если окажется, что это и ваша остановка.

– Уже хотя бы потому, что на вожделенной вами остановке пригородного поселка Южного обычно выходит большая часть пассажиров, – парировала женщина и, оглянувшись, победно и в то же время мстительно, улыбнулась.

3

Президент еще не знал, что это: путч, переворот, попытка ввести несанкционированное чрезвычайное положение? Но по составу входивших в группу людей понял: сами по себе они ничего, никакой силы и власти не представляют. Другое дело, что эта группа кем-то сформирована. Но кем именно? Председателем Верховного Совета Лукашовым? Шефом госбезопасности Корягиным? Нет, самим вице-президентом Ненашевым, единственным, кто в самом деле обладал хоть какой-то государственной властью? Но быть такого не может! Кто угодно, только не это ничтожество!

Последняя информация о Ненашеве, которая просочилась к нему из Москвы, была по-русски снисходительной: «ничего не поделаешь, вице-президент опять в запое!». И если уж путч возглавил этот человек... Не завидует он в таком случае ни стране, ни путчистам. Впрочем, он не завидовал им в любом случае, независимо от того, кто окажется во главе этого «стрелецкого бунта», но это пока что детали.

Русакова уже не раз, то ли прозрачными намеками, то ли прямо в лоб, спрашивали, как вообще такой человек, как Ненашев, мог оказаться в его вице-президентах?! Пусть бы уже досиживал до пенсии в своей «школе коммунизма»³.

И хотя подобные вопросы-подковырки всегда выводили генсек-президента из равновесия, ответ его, как правило, был загадочно лаконичным: «Как попал, как попал? Да кое-как!». Он, Русаков – всего лишь руководитель демократической страны, а не император, которому корона дается по наследству. Кому неизвестно, что кадровые вопросы такого уровня в Союзе всегда решались коллегиально? И тут уж, извините...

Впрочем, налицо – классический, всему чиновничеству мира известный случай, когда подмоченная репутация второго лица становится лучшей гарантией прочности первого. Что же касается наследственных корон, то их тоже нередко снимали, причем вместе с головой.

...Но, предаваясь мимолетным размышлениям, Русаков неожиданно открыл для себя, что прямая связь с Кремлем не работает. Недоуменно взглянув, сначала на трубку, а затем – на стоявшего рядом со столом-пультом Веденина, генсек-президент проверил еще несколько трубок, в том числе красную, на аппарате главнокомандующего Вооруженными силами, который обязан был работать, даже если бы наступил конец света. Но который тоже «благополучно» не работал.

– Нас что, отрезали от мира? – почти испуганно спросил он помощника.

Прежде чем ответить Веденин лично «прошелся» по всем трубкам, по привычке поклацывая рычажками!

– Но такого просто не может быть! – округлились теперь уже и глаза помощника. – Такого вообще быть не должно!

– Если в этой стране чего-то и не может быть, так это того, чтобы охрана пропускала на территорию резиденции Президента людей, которых он к себе не приглашал, – резко ответил Русаков.

– В принципе – да, так оно и должно быть, – на удивление спокойно отреагировал Веденин. А ведь до сих пор он не раз бледнел от волнения и страха даже в тех случаях, когда для особых причин для волнения у него не было.

«Неужели решил, что со мной как с Президентом уже покончено? – прошел холодок по спине Русакова. – Что-то слишком уж независимо и раскованно ведет себя. Хотелось бы знать, кто ему эту уверенность внушил».

– Каким образом возникла вся эта «группа московских товарищей»? – резко спросил Президент. – По чьей воле? Кто ее формировал?

– Понятия не имею, – в том же непринужденном тоне молвил помощник, почти вальяжно пожимая плечами, словно речь шла о чьей-то чудаческой выходке.

– Только не юли, Иван Григорьевич. Все намного серьезнее, нежели ты себе представляешь.

– Да нет, представлять-то я себе представляю, но, судя по всему, за этой кремлевской делегацией стоит Лукашов. Или шеф службы безопасности. Полагаю, что вам определить будет легче, нежели мне.

– Мне твои гадания и расшаркивания, Веденин, не нужны. Кто выходил на тебя вчера, сегодня, в ближайшие часы?

– На меня, собственно, никто...

– Я спрашиваю, – резко прервал его Президент, – кто тебе звонил из состава группы или по ее поручению?

³ В коммунистической прессе, а также в идеологических постулатах времен СССР, профсоюзы всегда пафосно именовались «школой коммунизма».

– Генерал-лейтенант Цеханов, начальник управления охраны кагэбэ. Однако разговор был сугубо конфиденциальным, – тотчас же предупредил Веденин.

– Меня конфиденциальность ваша не интересуется. Ты у кого в помощниках ходишь: у меня или у Цеханова?

– Понятное дело... – проворчал Веденин, сморщив и без того по-крестьянски морщинистое лицо. – Но ведь вы же понимаете: Госбезопасность есть Госбезопасность, а к неприкасаемым я все еще не принадлежу, кагэбисты и не таких чинов вязали.

– Теряешь доверие, Веденин. И не надо все сваливать на кагэбэ. Пока ты при мне – никто подступиться к тебе не смеет.

– Директор «Елисеевского» гастронома, в подсобках которого весь Кремль отоваривался, включительно с домочадцами генсека, тоже считал, что к нему не подступятся. А когда до расстрельной статьи дошло, ни одна сволочь и пальцем не пошевелила, чтобы вступить за него.

– Хватит! – по-интеллигентски вяло врубился кулаком в поверхность стола Русаков. – Прекрасно знаешь: по поводу «Елисеевского» – вопрос не ко мне, а к предшественнику.

Биография Веденина, этого пятидесятипятилетнего функционера, могла служить образчиком партноменклатурного восхождения, во время которого бывший секретарь комитета комсомола с техникумовским образованием одного из степных краснодарских совхозов прошел, получив заочное образование, путь до первого секретаря райкома комсомола, а затем и первого райкома партии. А еще в свое время он успел поработать инструктором и завотделом крайкома... Но если для многих функционеров его поколения партийная карьера на этом и завершалась, то Веденин вовремя был замечен и оценен будущим руководителем страны, и теперь вот пребывал в ипостаси помощника генсек-президента.

По самому нутру своему человеком он был алчным, скрытным и беспредельно завистливым, однако существовало важное деловое качество, благодаря которому его покровители предпочитали закрывать глаза на все прочие проявления характера Веденина. Это был хозяйственник до мозга костей, идеально приспособившийся к социалистическому строю, а главное, обладающий удивительной способностью «рыть землю» по любому случаю, и «доставать из-под земли» даже то, чего, казалось, не существовало не только в магазинах и на базах спецраспределителей, но и в самой природе. Причем в этих вопросах на него всегда можно было положиться.

Как бы там ни было, а супруга генсек-президента Лариса Акимовна и ее ближайшее окружение души в Веденине не чаяли. И даже в кличку «Завхоз», которая приклеилась к нему еще в совхозные времена, не вкладывали ни сарказма, ни пренебрежения, сводя ее до констатации факта.

Кстати, ни для кого не было тайной, что по номенклатурным ступеням власти Иван Григорьевич восходил только благодаря женам своих шефов, путь к душам которых, однако, находил не через ухаживание и постель, поскольку всем было известно, что он «не по этому делу», а через склады и подсобки магазинов.

– Ну и где там эта «группа товарищей»? – со злой иронией поинтересовался Русаков у начальника охраны, убеждаясь, что попытка «расколоть» своего помощника-«завхоза» ни к чему не приводит.

– Терпеливо ждуть вашего приглашения, товарищ Президент, – по-армейски четко и лаконично доложил полковник.

– В твоём кабинете ждуть?

– Никак нет, – ответил Буров с такой уверенностью в голосе, что у Русакова не осталось причин для подозрений в его неискренности. – Однако настроены решительно.

– Это ж, в каком таком смысле – «решительно»?

Полковник опять замялся. Он, потомственный военный, пребывавший «под погонами» с суворовского училища, привык к четким однозначным приказам и столь же четким, лаконичным ответам. А здесь, в охране резиденции генсек-президента, куда его, профессионального спецназовца – бывшего «морского котика», а затем офицера Главного разведуправления Генштаба армии – засунули непонятно с какой радости, все время приходилось подстраиваться, разводить дипломатию и всячески выворачиваться. Это-то и вызывало у сурового, физически крепкого офицера чувство некоей «проституирующей», как он сам выражался, неловкости. Вот и сейчас его охватывало именно такое ощущение.

– ...Решительно дождаться вашего приглашения, товарищ Президент, – в очередной раз извернулся Буров.

– Разве что... Ладно, давай их сюда, коль уж моя охрана щелкает каблуками перед каждым генералом госбезопасности...

«А ты что ожидал, что мы начнем их отстреливать?! – мысленно огрызнулся полковник. – Довел страну – великую страну – почти до полного развала, полного раздвоя, и еще и выпендривается! Хочешь, чтобы мы гнали эту “группу товарищей” отсюда?! Тогда в чем дело? Прикажи – и мы их погоним. Но сначала прикажи!».

4

Уже в течение часа референт-адъютант соединял шефа госбезопасности только с тем узким кругом людей, которые были указаны в списке, составленном самим генералом.

Он еще не знал, что очень скоро эти люди станут костяком нового высшего руководства страны – некоего «Госкомитета по чрезвычайному положению», но по взволнованности голосов и по самому подбору посетителей давно определил: эти люди задумали что-то очень серьезное. Нечто такое, о чем ему не только не положено было знать, но и категорически не полагалось догадываться.

Правда, появилось в этом «списке избранных и допущенных» и несколько, на первый взгляд, совершенно «необъяснимых» людей. Как, например, шеф кагэбэ по Казахстану, называя которого, Корягин проворчал: «Да, и обязательно дозвонитесь мне до главного казахского кагэбиста Воротова. Понять не могу, почему я до сих пор не убрал его!»

Если бы речь шла об Украине, референт-адъютант еще воспринял бы это как должное, но обращаться сейчас, в такое время, в алма-атинский филиал конторы!.. Однако еще больше удивился полковник, когда уже буквально через десять минут Корягин с холодной вежливостью поинтересовался у него:

– Так что там с Алма-Атой?

И только тогда референт-адъютант Нефедов понял свою ошибку. Он до сих пор даже не пытался выйти на связь с Воротовым. Не потому, что забыл. Просто сюда, в приемную, звонки шли чередой. Правда, почти всех их полковник «глушил», но все равно это отбирало уйму времени. Вот только шефу этого не объяснишь.

– Пока не удалось, – попытался он нагло соврать, однако Корягин уже понял, что полковник еще попросту не вычислил казаха-кагэбиста по «табели о важности персон», а потому с еще более суровым спокойствием произнес:

– Я просил бы вас, полковник Нефедов, срочно вызвать на связь начальника республиканского Управления госбезопасности по Казахстану генерал-майора Воротова.

Нефедов прекрасно знал: если уж шеф доходит до полного титулования кого-либо из подчиненных – хуже приметы не бывает. Вот и сейчас в устах Корягина это прозвучало как первый признак того, что казахский обладатель титулов и званий очень скоро может всех их лишиться и вообще оказаться не у дел.

На сей раз полковник попытался с ходу выйти на связь с Воротовым, но, после нескольких попыток, связаться ему удалось только с одним из его подчиненных, да еще – с порученцем. Причем оба заявили, что Воротов сейчас «у первого лица державы», – они отвечали именно так: не республики, а державы, что очень удивило Нефедова, и оба туманно объясняли своему коллеге из столицы: «Вы же понимаете, какие события у нас здесь происходят!».

Когда полковник услышал это объяснение от первого собеседника, то не сразу понял, о чем это он; подумал, что имеется в виду что-то происходящее в связи с переворотом; когда же об этом обмолвился порученец Воротова, почему-то вдруг постеснялся уточнить, что именно тот имеет в виду. Во-первых, не хотелось бы выглядеть человеком несведущим, во-вторых, он понимал, что по обычному телефону разьяснять «сложные ситуации» в кагэбэ не принято. Другое дело – по спецсвязи. Однако от секретного аппарата Воротов, судя по всему, был сейчас далековато.

Все прояснил начальник отдела по связям с общественностью, у которого в конторе было именно то прозвище, которого он заслуживал – «Проныра». Войдя в кабинет референт-адъютанта и увидев, что тот мается в одиночестве, тут же спросил:

– Так что там слышно из Казахстана?

– А что должно быть слышно... из Казахстана? Что там вообще происходит?

Проныра на несколько мгновений застыл с открытым ртом, но, сообразив, что Нефедов действительно не понимает, о чем идет речь, объяснил:

– Так ведь сейчас там находится Президент России Борис Елагин. Так сказать, с официальным визитом в «дружественной стране»... – мать их. Дожились!

– Вот оно в чем дело!.. – понял свою оплошность полковник. – Совершенно упустил это из виду.

– Не ты один, – успокоил его Проныра. – Все мы... упустили его из виду. Именно поэтому он сейчас в Алма-Ате, ведет переговоры с Президентом Кузгумбаевым. Укрепляет, видите ли, связи между суверенными государствами – Российской Федерацией и Казахстаном, делая при этом вид, что Советского Союза уже не существует, что с этой страной давно покончено.

Как только Проныра исчез за дверью, референт-адъютант вновь прошелся по телефонам замов Воротова, и первому же из тех, кого удалось выловить, передал:

– Приказ Самого: немедленно разыщите Воротова. Пусть тотчас же свяжется с Москвой, с шефом.

На сей раз цепочка сработала. Уже минут через десять полковник услышал в трубке: «Казахстан. Воротов», и тут же доложил об этом Корягину, хотя знал, что у того все еще находятся министр внутренних дел и министр обороны.

– Ну и что там у вас? – жестко поинтересовался Корягин, как только услышал голос «казаха».

– Ситуация под контролем.

– Конкретнее.

– Без происшествий, – не понял его Воротов.

– С Елагиним что? – спросил генерал армии голосом нервного учителя, потерявшего надежду обнаружить у двоечника хоть какие-то знания. – С его возвращением в Москву?

– Исходя из вашего требования, вылет удастся задержать.

– На сколько?

– На час.

– Мало.

– Да, но...

– Я сказал: «мало»!

Однако жесткость тона председателя Госбезопасности Воротова не остепенила. Он знал реальное положение дел в республике и исходил из нее.

– Но ведь это же не наш, а российский «борт».

– Не понял.

– Это же самолет российский, причем президентский, с российскими пилотами. Им уже доложили об исправности и готовности к полету, и сейчас борт пребывает под усиленной охраной людей Елагина.

Только теперь шеф госбезопасности сообразил, почему Воротов так упрямо цепляется за недоступность «борта». Он, очевидно, решил, что единственная возможность задержать Президента России – это вывести из строя его самолет, или же, «запустив» ложную тревогу, заставить механиков и спецохрану еще раз пройти по всем бортовым узлам.

– Я ведь не требую, чтобы борт не долетел, – Корягин был уверен в надежности своей спецсвязи, а потому мог говорить открытым текстом. – От вас не это требуется, Воротов.

– По-нят-но... – и голос казаха показался ему еще более озабоченным.

– Существует же, черт возьми, такое понятие, как «восточное гостеприимство»! Пусть проявят это самое свое, хваленое, восточное... Хотя бы на три часа.

– На три?!

Воротов изначально определил, что Кузгумбаев продержит Елагина на своем «восточном гостеприимстве» не менее двух часов, и когда он говорил о часе, – это было подстраховкой. Но этот неожиданный звонок председателя Госбезопасности... Казах уже подумал было что там, в Москве, наверху, что-то очень сильно изменилось, и теперь уже от него потребуют не задержки борта, а наземного устранения Елагина. А что, ситуация явно способствовала такому повороту событий. Ведь погибнуть Елагин должен был бы не в России, а в Казахстане, где покушение на него можно было приписать кому угодно, от казахских национал-исламистов, до афганских моджахедов.

– Но каким образом можно заставить Президента Казахстана три лишних часа продержаться в своей столице Президента России, отлет которого жестко определен и согласован и который, в силу известных обстоятельств, буквально рвется в Москву? Под домашний арест взять его, что ли?!

Только потому, что Воротов произнес эти слова уже на удивление спокойно, как бы размышляя вслух, беседуя с самим собой, несдержанность подчиненного Старый Чекист ему простил.

– Мы ведь уже говорили с тобой о прелестях восточного гостеприимства, – неожиданно напомнил Корягин, опять заставив Воротова горько ухмыльнуться. – Словом, решай, генерал, решай; но при этом помни – на карту сейчас поставлено очень многое.

5

... «Пригородный поселок Южный?» Брюнетка что, назвала его остановку? Почувствовав себя так, словно ему нагло плеснули в лицо недопитым кофе, но при этом вежливо извинились, Курбанов мечтательно поиграл желваками: «Откуда ей знать, что выходить мне придется именно на этой станции, маз-зурка при свечах?! До нее еще три-четыре остановки, и после нее будет столько же».

– Не стройте из себя Деву Марию-Провидицу, мэм, – жестко произнес он, опять склоняясь над затылком красавицы. – Моя остановка была известна вам заранее. Из каких, позвольте спросить, источников? Вы не угадывали ее, а назвали наверняка.

– А кто вам сказал, что Дева Мария была провидицей? Вы бы хоть в Библию не полезли заглянуть. Понимаю, это сложнее, нежели смотреть на мир сквозь прицел, сквозь мушку пистолета, но все же... – Горланно взорвавшись изумительным по своей соприданной

тональности хохотком, брюнетка поправили небольшую, висевшую на левом плече, сумочку и продвинулась к выходу.

Курбанов подался было вслед за ней, но в это время с сиденья справа поднялся какой-то парень, и «провидица» величественно протиснулась между вздрагивающими от ее прикосновения коленками мужчин, чтобы занять свое место у окна.

«...И еще... почему она решила, что через мушку пистолета?! – взорвалось что-то там, в сознании Курбанова. – У меня что, на роже вытатуировано мое офицерское звание? Я – в гражданском, маз-зурка при свечах, и ничем не отличаюсь... Хотя, стоп, какое-то клеймо все же просматривается, и если женщина обладает наметанным взглядом... Только откуда ему – наметанному взгляду – взяться у нашей тихони-брюнетки?»

Знала бы эта женщина, как унизительно прошла она сейчас по его профессиональному самолюбию! Так нет же, паршивка, невозмутимо сидит у окна, гордо вскинув окаймленную черным шлемом курчавых волос головку, и плевать она хотела на него и всех остальных в этом чадном автобусе. Кто она, к дьяволам, такая?! Как оказалась рядом с ним на перроне? Почему спровоцировала знакомство?

Курбанов вдруг почувствовал непреодолимое желание вышвырнуть оказавшегося рядом с ней юнца, усесться на его место и потребовать объяснений. Но, представив себе, как глупо все это выглядело бы в реальной жизни, попридержал свой пыл.

Несколько секунд Виктор буквально поедал ее взглядом, надеясь, что женщина хоть каким-то образом напомним о себе, об их мимолетном знакомстве. Но она сидела, как изваяние. Зато теперь Курбанов заметил то, на что не обращал внимания, когда брюнетка стояла рядом, – ее фигуру пловчихи, мощно скроенную, с накаченными на тренажерах плечами.

Нет, никогда раньше видеть ее Курбанову не приходилось. У них, в отряде специального назначения «Скиф» Главного разведуправления, проходили подготовку две женщины, и обеих Курбанов прекрасно знал. Так, может быть, брюнетка – из какого-то другого отряда, с бойцами которого он не знаком? У них, в ГРУ, в отрядах спецназа, предназначенных для работы в глубоком тылу противника, никакие знакомства, – не говоря уже о близких взаимоотношениях и откровениях, – вообще не поощрялись. Да «черные береты» к этому и не стремились. Особенно в последнее время, когда стало ясно, что работать-то им придется не за бугром, а, скорее всего, здесь, на пространстве бывшего Союза, в бывших братских республиках, против «националов», – что лично у него, майора Курбанова, никакого энтузиазма не вызывало.

Тут приходилось иметь дело с политиками, причем с политиками, отрекшимися от своих вчерашних убеждений и предавших своих партийных боссов, а потому способных теперь предать кого угодно и каким угодно способом. А еще эти политики готовы были бросать спецназовцев на самую грязную работу, чтобы потом самым грязным образом подставлять их. Как это уже случалось со спецкомандой госбезопасности «Альфа» и другими ребятами в Тбилиси, в Средней Азии, во взбунтовавшемся Вильнюсе...

Ясно, что эту смазливую «кадрицу» кто-то подослал. Но кто, какая контора? Милицейский спецназ? Некий конкурирующий клан из подчинения ГРУ? Нет, бойцы «Альфы»?

Схема вырисовывалась довольно примитивная: Седьмое управление Комитета госбезопасности каким-то образом разжилось на агента в их спецотряде разведуправления, и... Не исключено, что этим «вильнюсским евнухам» понадобился еще один «груз-200», как понадобился он в свое время при штурме вильнюсского телецентра. Тогда за этот «груз» сошел труп офицера самой «Альфы», какого-то лейтенантика, по всей вероятности, отказывавшегося участвовать в столь унизительной для профессионального военного провокации.

«И кто убедит меня, – подумалось Виктору, – что теперь им не понадобился свежий труп офицера особого отряда спецназа военной разведки?»

Взглянув на брюнетку, Курбанов обнаружил, что, внешне все еще оставаясь невозмутимой, она тем не менее косит на него взглядом, и при этом в глазах поблескивает соблазнительная лукавинка.

«Ну что ж, – подумал он, исподволь умиляясь красотой женщины и шаловливостью ее взгляда. – Если мудрецы из Седьмого управления госбезопасности прибегают теперь к услугам таких вот “киллерш”, это делает им честь, маз-зурка при свечах».

Как только водитель объявил, что следующая остановка – поселок Южный, майор тут же двинулся к выходу, и уже от двери, привстав на цыпочки, отыскал взглядом свою попутчицу. Она поднялась и тоже направилась к выходу, но Курбанов почувствовал, что еще раз лицезреть ее – теперь уже на остановке Южного – не удастся. Скорее всего, она лишь убедится, что подопечный действительно убрался из салона. При этом брюнетка даже не скрывала, что шпионит за ним, – настолько откровенным оставалось ее любопытство. Порой казалось, что она умышленно подставляет себя, чтобы мужчина окончательно рассекретил её.

Ступив в пропитанную дождем и морским туманом фиолетовую темень, майор слегка поежился и с тоской всмотрелся в салон ярко освещенного пригородного автобуса. Брюнетка стояла у предпоследнего окна, повернувшись к нему лицом. Вряд ли она – из света в темноту – видела Курбанова, однако не сомневалась, что уж мужчина-то ее точно видит. Не зря же на лице ее блудливо промелькнула все та же шаловливая женская улыбка.

«То, что она выйдет на следующей остановке, – понятно. Не ясно, почему не решилась выйти вместе со мной. Остановка ведь все равно была названа. Сыщик из нее, естественно, никакой. Но, похоже, что и скрывать своего интереса к нему брюнетка не старалась. Тогда что здесь только что происходит на самом деле, маз-зурка при свечах?!»

6

Принимать «группу товарищей» здесь, в соединенном с его рабочим кабинетом небольшом конференц-зале, на втором этаже виллы, генсек-президенту решительно не хотелось. Он почему-то всячески оберегал этот кабинет, предпочитая встречаться внизу, в официальной приемной, в гостиной или в одной из комнат отдыха. А случалось, что вообще уводил гостя на свою любимую кипарисовую аллею парка.

Вот и сейчас Русаков намеревался встретить «московских товарищей» еще на входе в виллу, однако он явно опоздал. Непрошенные полуофициальные гости уже поднимались к нему на второй этаж.

Растянувшись в цепочку по широкой, слегка «завинченной» лестнице, они шествовали важно и решительно. Как члены военного трибунала, шедшие для того, чтобы объявить свой «суровый, но справедливый»... Строгие, почти окаменевшие лица этих «трибунальщиков» напоминали ритуальные маски индейцев, направлявшихся к ритуальному костру каннибалов.

Причем Президент сразу же обратил внимание, что позади группы, чуть поотстав, степенно поднимается рослый, плечистый полковник Буров. Пока не ясно было – то ли приезжие успели присоединить начальника охраны к своей делегации, то ли он идет по собственной инициативе, но вполне очевидно, что в компании бунтовщиков он вполне мог бы сойти за... палача.

А что, вдруг поймал себя Русаков на этой сумбурной мысли, и в роли палача – тоже. Опыт составления посмертного диагноза у них богатый, да и кто потом, когда к власти придут путчисты, решится по-настоящему расследовать причину твоего «ухода»? Разве что в виде моральной компенсации, устроят пышные похороны, «в духе Брежнева и Андропова». Что-что, а это у них отработано. Русаков давно смирился с мыслью, что в этой стране в

каждом армейском штабе сидит по Пиночету. Но только сейчас он подумал, что точно такие же «пиночеты» восседают в этой стране в каждом республиканском ЦК, и даже в каждом обкоме партии.

– Так что... произошло? – негромко, явно срывающимся голосом спросил генсек-президент, чувствуя, как губы его от волнения деревенеют, а во рту пересыхает.

Задавая свой вопрос, он задержал взгляд на двух, шедших чуть впереди и правее остальных, генералах Госбезопасности – Цеханове и Ротмистрове, интуитивно улавливая, что главная опасность все-таки исходит от них. Причем интуиция эта была порождением почти генетического страха «всяк в Стране Советов сущего» перед властью и вседозволенностью КГБ; страха, террорно сформированного коммунистическим режимом в душах и сознании целых поколений, а потому одинаково довлеющего теперь и над уличным забулдыгой, и над обитателями кремлевских кабинетов.

Лишь в самое последнее мгновение генсек-президент перевел взгляд на руководителя своего аппарата, Дробина. Только обращаясь к нему, своему непосредственному, аппаратному, подчиненному, Русаков способен был сохранить хоть какую-то иллюзию уверенности, и даже делать вид, будто надежно контролирует ситуацию.

– Да вот, как видите, все вот так вот складывается... – невнятно пробормотал Дробин, несколько запоздало отвечая на его вопрос, и, тем самым, давая понять, что впредь вопросы следует задавать кому угодно из прибывших, исключая его. Если только их вообще следует задавать сейчас кому-либо, в его-то, генсек-президента, ситуации.

– Что «вот»? – нахмурился Русаков. – Что «складывается»?

– Товарищи специально прибыли сюда, чтобы обсудить создавшееся положение, – все с той же неопределенностью доложил Дробин.

– Тогда, кто мне внятно объяснит, что же все-таки произошло? – еще мрачнее поинтересовался Президент, опять глядя на остановившихся, чуть правее от него, плечо в плечо, рослых, с почти одинаково безликими, кирпичного загара, лицами кагэбистских генералов. Хотя мысленно уже ответил себе: «А ведь, похоже, что это – арест! Неужели, действительно, арест?!»

– Надо пройти в кабинет, – выделился наконец из «группы товарищей» тот, кто считал себя наиболее приближенным и авторитетным. Поначалу он как бы чуть поотстал от остальных, но теперь, решительно протиснувшись между начальником президентского аппарата и первым замом председателя Госкомитета по обороне, предстал перед своим партийным боссом. Это был секретарь по идеологии Вежинов, за которым в цэкашных коридорах закрепилась кличка «Отпетый Идеолог». – Пройти надо бы, товарищ Президент. Туда, – кивнул в сторону приоткрытой двери кабинета, понимая, что генсек-президент убийственно растерялся и плоховато соображает. – Разговор-то просматривается непростой, но... важный. Для страны, для партии.

Еще несколько мгновений Русаков стоял, загораживая спиной эту самую дверь, как последний ее защитник, затем, взглянув на помощника, ничего не говорящим, растерянным взглядом, попятился к двери; наконец, повернулся спиной ко всем остальным и вошел в кабинет, чуть было, по привычке, не прикрыв за собой дверь.

Вежинов попытался войти вслед за ним, но генерал-лейтенант Цеханов оттиснул «отпетого идеолога ума, чести и совести эпохи», давая понять, кто здесь кто. В свою очередь, генерал-майор Ротмистров решительно оттеснил от двери помощника генсек-президента Веденина, вполголоса, до вульгарности невежливо посоветовав ему:

– Ты, Завхоз, пока прогуляйся...

– Но ведь Президент, возможно...

– Тебе сказано? Понадобись – позовут. Разговор предстоит нервный, государственный, и явно – не по твоей парафии, – прошел генерал-майор вслед за боссом.

Сразу же стало очевидным, что ни на совещания, ни вообще на такое количество людей кабинет не рассчитан. Поэтому, усевшись в свое рабочее кресло, генсек-президент встревожено проследил, как все остальные располагаются, где кто может.

– Ну, так я слушаю, – вновь попытался он овладеть ситуацией.

Заговорщики переглянулись и остановили свои взгляды на Вежинове. Но, как показалось Русакову, вовсе не потому, что считали его здесь главным. Идя сюда, они, похоже, в отношении «главного», в этой своей путчистской спешке, так и не определились.

– Владимир Андреевич, мы знаем, что, по существу, вы уже приняли решение о введении в стране чрезвычайного положения. На Политбюро мы об этом говорили и пришли к общему мнению...

– Когда это мы говорили об этом, чтобы так, всерьез, по повестке дня, на Политбюро? – угрюмо встрепенулся генсек-президент. – Что-то не припоминаю.

– Да нет, Владимир Андреевич... вы не так поняли. Это наше, членов Политбюро, общее мнение о положении в стране. О чем, как помните, речь шла даже на Пленуме.

– Среди прочего – да, на Пленуме шла речь и об этом. Но вы же понимаете, товарищи, что это было в закрытой части, в порядке, так сказать, общего обмена мнениями; руководствуясь теми демократическими веяниями, которые наблюдаются в нашей стране в ходе перестройки и которые мы с вами, исходя из плюрализма мнений, допускаем сейчас во время всякой партийной дискуссии.

Вежинов беспомощно оглянулся на Цеханова. Генерал поиграл желваками и попытался встретиться взглядом с главкомом Сухопутных войск Банниковым. Тот исподлобья взглянул, вначале на генсек-президента, а затем на Цеханова. «Этот заболтает все, что угодно, – явственно прочитывалось во взгляде главкома. – Если только вовремя не прервать его словесный поток и не поставить перестроечного говоруна на место. Причем сейчас же, и самым решительным образом».

Тем не менее генерал армии пока что считал, что его время не настало, хотя все члены группы знали: Банников не просто недолюбливает, а откровенно презирает Президента, не называя его в разговоре ни президентом, ни по фамилии, а только «Этот... из Кремля».

– Вопрос был даже вынесен на Верховный Совет, – понял главный идеолог партии, что помощи от генералов ожидать пока что не приходится. – Если помните, там всерьез рассматривалось предложение...

– Вот на Верховном Совете и надо решать, – ухватился за эту подсказку Президент, по привычке усиленно и бессистемно жестикулируя. – Партийные органы, конечно, скажут свое веское слово, но вы же понимаете, что мы не можем недооценивать мнение депутатов Верховного Совета, его руководства. А когда такое решение законодательным органом будет принято, и процесс пойдет в рамках закона... А понятно, что проходить он должен только в законодательном русле, поскольку, вы же понимаете, что иначе это все чревато... Тем более что процесс уже пошел, он коснулся всех союзных республик...

Не решаясь прервать генсек-президента, Вежинов беспомощно взглянул на главнокомандующего Сухопутными войсками. Однако тот не обратил внимания на цеховского идеолога, которого терпеть не мог точно так же, как и словоохотливого Русакова. В эти мгновения он смотрел на Президента с таким снисходительным презрением, словно уже решил для себя: «Пора братья за оружие! По-иному этот “прораб-перестройщик” не понимает». Однако же и генерал тоже промолчал, приберегая слова, как последние патроны.

7

...Услышав из уст шефа госбезопасности сакраментальное: «Так существует же еще и восточное гостеприимство», Воротов лишь угрюмо ухмыльнулся. А на чем они еще пыта-

лись оттянуть время отлета российского Президента из Казахстана, если не на восточном гостеприимстве? Но дело в том, что гостеприимство это должны демонстрировать не он, Воротов, и его люди, а Президент Кузгумбаев, который никакого сочувствия действиям путчистов не проявляет. И уговорить которого еще труднее, чем заставить действовать по указке главного заговорщика.

Нет, пока что это кое-как удастся. Расчет на то, что Кузгумбаев давно симпатизирует Елагину и не прочь задержать его на часик у себя, расширив программу пребывания. Ведь о чем пишет сейчас вся пресса, в том числе и оппозиционная, Казахстана? Да о том значении, которое придается главой российского государства дружбе с Казахстаном. Ведь не в Украину же Елагин подался, не в братскую Беларусь, и даже не в США, а именно в Казахстан. Чтобы продемонстрировать... Чтобы получить моральную и политическую поддержку... Наконец, нейтрализовать Казахстан, исключая его из сферы влияния гэкачепистов.

А о чем пишет вся зарубежная пресса, которую местные газетчики в националистическом раже так щедро цитируют? Да все о том же, из всех стран на полупостсоветском пространстве Елагин избрал Казахстан, из всех лидеров суверенных государств – Кузгумбаева. И как же хлестко это звучит, как укрепляет авторитет Отца Казахов в глазах местного бомонда!

– Гостеприимство – да, это понятно, оно способно отвлечь и захватить, – молвил тем временем Воротов, – но не настолько же...

– Делайте, что хотите, однако на три часа вылет должен быть задержан.

– И что потом? – механически как-то поинтересовался Казах. Он и не собирался задавать этот явно неприличный в их среде, не подобающий кагэбисту, вопрос. Тот вырвался как-то сам по себе.

– А что... «потом»? – резко отреагировал Корягин. Однако резкость эта была понятной и вполне объяснимой. – Не ваше это дело, что будет потом, когда он прибудет сюда. Ваше дело – выполнить то, что вам приказано.

– Так точно, – явно струсил Воротов. Ситуация была накалена до предела, судьба «спасителей Отечества» висела на волоске. И Воротов понимал, что не одна голова слетит сейчас под занавес, да под горячую руку. Щадить в такой ситуации никто никого не будет. Поскольку знает, что и его тоже не пощадят.

– Ваше дело выполнять то, что вам приказано выполнить в Алма-Ате, – для чего-то повторился Корягин.

– Так точно, товарищ генерал армии. – «Казах» прекрасно знал, что в отличие от множества хамоватых армейских генералов Корягин никогда не срывается на крик, на служебную истерику. И если уж сейчас он взбеленился, значит, его действительно достали. – Я всего лишь хотел спросить, как эту задержку объяснять самому Елагину, – все же слегка задело Воротова.

– Да как хотите.

– И не только Елагину, но и, прежде всего, Кузгумбаеву, который пока еще считается со мной.

– Так придумайте что-нибудь.

– И сразу же занервничает пресса. В газетах и на телевидении может появиться сообщение, что гэкачеписты, – неосторожно употребил он термин, от которого Корягина просто-таки воротило, – не впускают лидера России в столицу. А это уже на грани гражданской войны.

– Пресса – да, – вдруг спокойно-деловито признал Корягин. – Этот факт следует учитывать.

– Понимаю, чем позже Елагин появится в Москве, тем лучше, но всему должно быть какое-то правдоподобное объяснение.

– Сообщите Кузгумбаеву, причем совершенно секретно, что это – в интересах самого Елагина. В целях его безопасности, ибо существует некая версия покушения на него – как вам только что стало известно по вашим каналам.

– Это – да, это – уже версия, – признал Воротов.

– ...И что не в интересах Кузгумбаева, чтобы самолет руководителя России потерпел катастрофу после взлета с аэродрома Алма-Аты. В конце концов могут возмутиться живущие в Казахстане русские казаки, все Поуралье.

– А что, аргументация вполне правдоподобная.

Воротов помнил, что, как только в Казахстане начинали поднимать голову местные патриоты, кагэбисты сразу же бросали свою агентуру на области, которые прилегают к реке Урал и Каспию. То есть на регионы, где все еще жило много потомственных казаков, из тех, которых в свое время коммунисты не успели перестрелять как «врагов трудового народа».

Еще вчера местные казачьи организации действовали полулегально, а сегодня у них вдруг появились бравые усатые атаманы из бывших афганцев да воздушных десантников, а вслед за ними у казачьих организаций откуда-то, сами собой, начинали появляться деньги, офисы, газетенки и листовки...

Причем в Алма-Ате сразу же уловили, что поставлены перед выбором: если они не пригасят свои националистические амбиции, страну сразу же постигнет великий раскол. И в самом деле, казаки тут же начали угрожать автономией, референдумом и конечно же обращением за помощью к Москве, в связи с притеснениями «русскоязычных». Мало того, в казаки стали подаваться сотни и сотни вчерашних целинников и шахтеров. Так вот и зарождалось политическое пугало, которым кагэбисты нагоняли теперь страх на казахов всякий раз, когда это «соответствовало национальным интересам России». Немудрено поэтому, что лидера Новой России принимали теперь в столице суверенного Казахстана с таким радушием.

– И запомните, генерал Воротов: не менее трех часов, – вновь угрожающе напомнил Корягин. – Пусть пресса взахлеб пишет о том, насколько теплым и сердечным был прием, оказанный высокому российскому гостю. Поите его, подсовывайте секретарш, понуждайте наслаждаться жизнью под аккомпанемент «один палка два струна».

– Теперь уже основательно прояснилось, товарищ генерал армии. Сделаем все возможное.

8

Частник, вызвавшийся доставить Курбанова к пансионату с бывшим компартийным названием «Интернациональ», а нынче именуемому «Лазурным берегом», был до угрюмости мрачен и величественно несокрушим. Необычайно тучный, неуклюже гороподобный, он вел свой «москвич», обхватив руль, как соседку по даче – за талию, наваливаясь на него всей своей женоподобной грудью, и при каждом качке – упираясь кожаной кепкой в крышу салона.

– Только учти: до первого поста, – пропыхтел он, узнав, что клиенту понадобился этот затерянный посреди предгорного леса «цековский обалдуйчик».

– Как друг – до первого милиционера, – резюмировал майор.

– Тут не до шуточек, тут все по статье «уголовного». В случае чего, ты – мой знакомый, денег я с тебя не требовал, и требовать не мог. И зовут меня Лехой, Алексеем то есть. Можешь сразу же признать во мне племянника.

– Уже признал. А что, разве дорога туда намертво перекрыта постами?

– Теперь здесь все перекрыто: и «цековский обалдуйчик», и цековские дачи, не говоря уже о водной станции для цековских барыг, на которой «слуги народа» рыбалкой забавлялись. Ты, конечно, тоже забавлялся, но мне наплевать.

– Время такое: всем на все наплевать, маз-зурка при свечах. Давно они там появились, посты эти?

– Дня три назад.

– И как народ объясняет их появление?

– Впервые они обнаружались в конце января. После Вильнюса. Даже БТРы подогнали, не поленились. Слух тогда пошел, что скоро начнут хватать людей, как в тридцать седьмом. Но тогда все обошлось: дня четыре постояли заслонами и исчезли. Теперь покруче взялись. Неподалеку даже квартирует некий охранный батальон. Как думаешь, хватит коммунакам батальона, чтобы удержаться здесь, не дав при этом возможность политэмигрантам почувствовать тоску по советской власти?

– Скорее они дадут им возможность почувствовать себя политзаключенными. На десять лет без права переписки.

– А ты смысленный, – признал водитель.

Курбанов знал, что официально «Интернациональ» числился пансионатом, предназначенным для отдыха и лечения политэмигрантов и членов их семей. На самом же деле, хорошо охраняемая территория этого заведения давно превратилась в своеобразный политический отстойник, в котором переживали самые неприятные дни своей жизни многие из тех, кто когда-то «раздувал пламя мировой революции» в странах, раздуть в которых его попросту невозможно. Или же насаждал террор в тех странах Центральной и Южной Америки, Африки, Юго-Восточной Азии, где сотворить народно-освободительные движения и левацкие террористические организации вообще-то особого труда не составляло.

Таким образом, за мощной оградой «Интернационаля» время от времени оказывались опальные принцы, изгнанные президенты, скрывающиеся от правосудия своих стран завербованные агенты советской разведки и всякие прочие... Одни из них жили в «гостинках», другие – в пансионных корпусах или в пансионном «гостевом отеле»; третьи, тоже под вымышленными именами и по фальшивым документам, – в разбросанных по лесной территории коттеджах. Вот и все сведения, которыми Виктор Курбанов пока что способен был похвастаться.

– Похоже, что ты тоже из «наших»? – прервал Леха недолгий мысленный экскурс майора в лесное зазеркалье.

– Из «тех еще» – так будет точнее, маз-зурка при свечах. Если я верно понял, «Интернациональ» расположен где-то между поселком Южным и следующей остановкой, как ее там?..

– Озерная, – проворчал Леха. – Считай, что обалдуйчик этот цековский расположен почти посредине между Южным и Озерной, ко второй – даже на километр ближе. Правда, чтобы добраться от Озерной до въездных ворот, приходится обкуролесивать почти всю территорию, а дорога лесная.

– То есть обитатели «Интернационаля» и персонал обычно выходят из автобуса здесь, на Южном?

– Делать лишние километры и платить лишние деньги? Они что, кретины?

«Ну, называть эту красавицу крестинкой не стоит, – по справедливости решил для себя Виктор, – тем более что все становится на свои места: решив проехать лишнюю станцию, она избавилась от меня, как от попутчика. Хотя, казалось бы... приятный собеседник, и вообще неплохая пара. Получилась бы... возможно».

Проехав еще километра два по тряской дороге, словно бы умышленно петляющей по перелескам, дабы отбить охоту у всяк случайного проезжего добираться до ворот «Интернационаля», Леха вдруг резко затормозил, будто оказался над пропастью.

– А вот и они, обалдуи постовые, – выключил зажигание.

Курбанов пристально всмотрелся в лобовое стекло, однако ничего, свидетельствующего о наличии «обалдуев», почему-то не обнаружил.

– Огонек сигареты заметил, – объяснил Леха. – Сейчас появятся.

– Не в разведке, часом, служил?

– Еще и служить им, барыгам цековским?! Нет, я все больше по контрабандному делу проходил.

– И так смело говоришь об этом?

– Потому что отбоялся.

«Вот оно: когда верхи уже ни хрена не могут, а низы уже ни хрена не желают! Даже язык попридержать. Что и говорить: действительно, страна обалдуев!».

– Ладно, заболтались мы тут с тобой, Леха. Сколько от поста до ворот?

– Метров пятьсот. Уж не грабануть ли решил пансионатик этот?

– В долю просишься?

– Презираю надомников. – Они молча проследили, как по поднебесью, перерезая высотные здания, пополз луч мощного армейского прожектора и, полуослепленные, переглянулись.

– Это с вышки. Их там две. Одна – слева от ворот, другая – у ручья, по ту сторону территории. Но прожектора там нет.

– Неплохо знаешь объект. А говоришь, что презираешь надомников, маз-зурка при свечах.

– Обалдуйчиков-коммуняк презираю не меньше. Мы тут с народом шебуршимся по поводу того, что если они слишком уж Президента России прижмут и снова погонят в Сибирь эшелоны с «врагами народа», придется их слегка попридержать. Так, сотню-другую перевешать. Хватит терпеть эту гаркавую марксистско-ленинскую падаль. Как ты относительно «сотни-другой»?

– Главное, начать. Потом и в тысячи не вложишься.

– Не разделяешь вроде бы?

– Пока нет. Хотя в принципе...

– А народ шебуршит, что недавно эти сволочи, коммунисты, несколько сотен тысяч наручников на заводах уральских заказали.

– Ну да?! Не может быть? Скорее всего, провокация «врагов народа».

– Никакая не провокация. Теперь секреты не очень-то держат. Мужик тут один приезжал. Заказ этот был размещен на его заводе. Более ста тысяч наручников. И предполагает, что подобные заказы были размещены не только на их заводе.

– Кто же их заказывал?

– Кто-кто? Все те же! В Вильнюсе у них не получилось, так они теперь к Москве подтягиваются, суки шелудивые.

Курбанов рассчитался с водителем и, приоткрыв дверцу, еще несколько секунд внимательно понаблюдал за вспышкой огонька и нервным подергиванием фонарных лучей. Очевидно, те, на посту, слышали мотор приближающейся машины, и теперь заметались по шоссе, стараясь понять, куда она исчезла.

– А если попытаться в обход поста? – спросил майор, по-заговорщицки приглушив голос.

– В обход дороги нет. Да я и не пошел бы. Мне, к моим двум вмятинам, еще только трех пуль в борт не хватает. И потом, кто ты такой?

– Это вопрос...

– Ответишь, тогда и поговорим. На домушника в самом деле не тянешь вроде бы.

– Скорее на отставного пожарника, – Курбанов ухмыльнулся и вышел из машины. – Раз в объезд дороги нет, тогда что ж, – попридержал он дверцу, – пойду к этим обалдуйчикам, как ты говоришь, сдаваться.

– Смотри, как бы не пальнули еще до того, как объяснишь им, кто и откуда. Они сейчас нервные. – Леха закрыл дверцу, резво, почти на месте и не включая фар, развернулся, но, отъехав несколько метров, вдруг остановился.

– Эй ты! – негромко позвал своего пассажира. – Туда как-то пацаны наши пробирались. Говорят, лучше всего проходить справа от ворот, у оврага. Деревья там подступают прямо к стене, а ветка дуба ложится на ограду. Здесь, где я стою, тропинка начинается, которая через овраг ведет.

– Наконец-то слышу дельный совет! – приблизился к нему Курбанов.

– Никакой не совет. Лично тебя я никогда не видел и не знаю, понял? Просто обалдуев этих гаркавых, коммуняк, печеночно ненавижу! Вдруг от тебя хоть какой-то вред им будет – все легче!

– Что-то я вас, бунтарь-одиночка, тоже не припоминаю, маз-зурка при свечах.

9

Убедившись, что речь пока что идет не о путче и не о его свержении, а всего лишь о введении в стране чрезвычайного положения, Русаков явно приободрился. Хотел бы он знать, кто именно сколотил эту компанию и направил сюда? А главное, зачем? Разве он как Президент в принципе не является сторонником введения чрезвычайного положения? Об этом прекрасно знает Лукашов; как знают и шеф Госбезопасности Корягин, вице-президент Ненашев, ну и, понятное дело, министр обороны Карелин. Тогда какого черта?! Впрочем, всему свое время...

– Вы, очевидно, не понимаете всей сложности ситуации, Владимир Андреевич, – вновь заговорил Вежинов. – Когда еще будет создан этот самый Верховный Совет, и что на нем решат! Тем более что депутаты от некоторых союзных республик попросту откажутся принимать участие в его работе.

– Прибалты, например; кавказцы... – процедил Цеханов.

– Зато это будет в рамках, так сказать, Конституции. А главное, на Верховном Совете мы сможем выслушать мнение тех товарищей, которые все же придут из большинства союзных республик. А вы же понимаете, как это важно сейчас, когда процесс демократизации всех институтов власти сверху донизу уже пошел... Ведь пошел же процесс, это уже очевидно для всех, в том числе и для противников перестройки, и даже для наших зарубежных товарищей. Процесс этот конечно же сложный, потому что этим путем мы идем первые...

Генсек-президент все говорил и говорил, казалось, он давно потерял ощущение реальности происходящего и закатил одну из тех «наезженных» речей, от которых многих его соратников, не говоря уже о простом народе, просто-таки мутило. С трудом выслушав весь это партноменклатурно-интеллигентский бред, главком – рослый, медведеподобный генерал, с головой, давно слившейся прямо с гороподобным, лишенным всякой армейской выправки туловищем – почти прорычал, словно пытался унять неумемную зубную боль.

Он уже вдоволь наслушался подобного суесловия, и всякое выступление «этого... из Кремля» на публике или по телевидению вызывало в нем какие-то, почти неосознанные приступы ярости, при которых генерал армии за себя попросту не ручался.

– Но ведь мы же упускаем время, – вновь принялся за свои уговоры секретарь ЦК, он же – «отпетый идеолог», как с удовольствием называл про себя главного идеолога партии Банников, столь же презренного в его глазах, как и сам генсек-президент. – Притом что страна и так уже расколота.

– И все же надо принять к сведению, что многие недостатки мы учли во время работы над проектом нового союзного договора, – нервноотреагировал Президент. – Так что, в общем и целом, процесс уже пошел...

– Да ни хрена он не пошел, – пробубнил себе под нос Банников, едва сдерживаясь от того, чтобы убрать со своих глаз «отпетого идеолога» и повести переговоры самому, просто и по-армейски жестко.

– Нельзя не учитывать, что кое-где партию уже травят, а партийные организации нагло изгоняют из предприятий и учреждений, – продолжал тем временем плакаться в жилетку генсеку «отпетый идеолог». – Прибалты – те вообще до того обнаглели, что уже, по существу, откололись, и с каждым днем перспектива загнать их обратно в Союз становится все более призрачной. Остальные республики тоже одна за другой объявляют суверенитет. Киев, вон, уже спит и видит себя столицей возрожденной Киевской Руси.

– Да все это, товарищ Вежинов, членам Политбюро давно известно. Действительно, имел место парад суверенитетов, это факт; однако же пик кризиса, связанного с проявлениями национализма, мы уже прошли, – старался Русаков уговорить цековского идеолога. – Надо же смотреть на эти явления, так сказать, диалектически, помня, что все-таки, в общем и целом...

– Что это мы «прошли», что «прошли»?! – неожиданно вклинулся в их словоблудие генерал армии. – Ничего мы пока еще не «прошли». Очевидно, вас неверно информируют ваши помощники и советники. Наше общее мнение таково, что сейчас, находясь здесь, в Крыму, мы только зря тратим время. Потому что всем уже ясно: мы доиграемся до того, что своим «парадом суверенитетов» окончательно погубим державу. Что еще должно произойти, чтобы мы решились ввести чрезвычайное положение и принять те единственные меры, которые еще способны спасти и страну, и партию?

Банников сорвался со своего кресла и нервно, – кряхтя, и, словно затравленный зверь, оглядываясь, – прошелся по кабинету. Достаточно было взглянуть на выражение его лица, чтобы понять, что в эти минуты он ненавидит обоих «цекашников», этих гражданских болтунов и чистоплюев.

– Тут, знаете ли, – вальяжно откинулся в кресле Президент, самым поведением своим пытаясь сбить накал страстей, – не нужно торопиться с выводами. – В принципе я не возражаю против введения чрезвычайного положения. Но из этого не следует, что вводить его нужно немедленно. Анализ ситуации показывает, что, в общем и целом, процесс сползания удалось остановить. Во всех республиканских парторганизациях уже идет обсуждение проекта нового союзного договора, на основании которого затем будет принята и новая союзная Конституция. Если мы с вами, товарищи, сейчас погорячимся, то взорвем весь этот процесс не только сверху, но и, так сказать, изнутри; а значит, поставим под сомнение саму идею нового союзного договора.

– А нужен ли нам сейчас новый союзный договор? Ко времени ли возиться с новым договором, когда нужно срочно спасать страну?! – вдруг патетически воскликнул Вежинов, словно бы не понимал стержневой идеи Президента – сами мероприятия по обсуждению нового союзного договора уже позволяют выиграть время и перегруппировать силы, то есть уже направлены на сохранение Союза.

«Стоп, уезжая на встречу с представителями Большой семерки, ты заявил, что готов уступить пост генсека, – напомнил себе Русаков, просверливая взглядом собеседника. – И помнишь, как заблестели тогда глаза у Отпетого Идеолога, давно уверовавшего в то, что

уже настало его время. Не Иващенко, являвшегося теперь первым заместителем генсека, а именно его.

Так вот, направляясь сюда с “группой товарищей” Вежинов просчитал: тот, кто добьется введения “чрезвычайки”, а, следовательно, предстанет перед партией в тоге “спасителя страны”, тот и получит право занять освобождающееся кресло партийного лидера. Чтобы затем, уже всеми правдами и неправдами, освободить для себя еще одно, на сей раз – президентское, кресло. Для себя и, конечно же, навечно... Так что один из претендентов – вот он, этот несостоявшийся идеолог, считавший себя учеником и ставленником своего незабвенного предшественника – Сулова!».

* * *

Теперь уже Вежинов стал предаваться ораторскому соблазну, он тоже говорил и говорил... Что Москва наводнена незаконными вооруженными формированиями; что глава суверенной России вступил в сговор с главами Украины, Белоруссии и Казахстана, а значит, расчленение Советского Союза – вопрос всего лишь ближайших семи дней...

«Именно семи», – с библейской неотвратимостью подтвердил его прогноз Русаков. Рассусоливания этого воистину «отпетого идеолога» уже даже не забавляли Президента, а попросту раздражали.

– Так, чего вы все-таки добиваетесь? – вновь прервал он Вежинова, причем сделал это, что называется, на духовно-эмоциональном взлете. – Только конкретно, по существу вопроса, помня при этом, что любые ваши антиконституционные действия чреватые... Вы же понимаете, что за всем этим стоит целая страна и что за нашими действиями наблюдает все мировое сообщество.

– За «всеми этим» стоять уже нечему, – вновь нахраписто вклинился в их разговор главноком Сухопутных войск. – Потому что и самой страны – той, нашей, вождями завещанной, – уже давно не существует, – громыхал он своим неприятно, словно кусок жести на осеннем ветру, вибрирующим голосом.

«Ну, он-то с какой стати здесь?! – еще раз меланхолично изумился Русаков, постаравшись не придавать его словам абсолютно никакого значения. Просто-таки в упор не замечать. – Неужели не понимает, что само присутствие в этой группе сразу трех генералов, да еще такого ранга, уже дает право всем вражеским “голосам” утверждать, что речь идет о государственном перевороте, а конкретнее – о “захвате власти военно-кагэбистской хунтой”?! И вообще с каких это пор главноком начал являться к Верховному Главнокомандующему без вызова и доклада?! Вот с этим, действительно, еще надо как следует разобраться!».

– Я уже сказал, – опять заговорил Вежинов, – что, оценивая создавшуюся ситуацию, вы, как Президент, обязаны сегодня же объявить в стране чрезвычайное положение, поручить силовым структурам и партийным органам навести порядок и, таким образом, полностью взять ситуацию под контроль.

– Причем под контроль следует брать всю территорию Союза, – жестянно прогромычал генерал Банников. – И давить каждого, кто попытается провозглашать какие-то там «суверенитеты» и «независимости».

– А ведь Игорь Семенович Вежинов, как и главноком Банников, – правы, – деликатно подступался к полемике начальник президентского аппарата Дробин. – У нас, Владимир Андреевич, просто нет иного выхода. В Москве постепенно накапливаются боевики, из бывших афганцев; многие радикалы и националы поприбывали из республик и сейчас «кучкуются» под прикрытием всевозможных легальных организаций суверенных российских федералов...

– Можете считать, что Верховный Совет уже дал вам полномочия для введения чрезвычайного положения. С Лукашовым вопрос согласован, – поддержал его напор Вежинов.

– Но Лукашов – это еще не Верховный Совет, – резко возразил Президент. Он явственно почувствовал, что тональность разговора повышается, убедившись при этом, что «группа товарищей» прибыла сюда вовсе не за советом, как он ожидал, а за тем, чтобы выставить его перед прессой, перед всем сообществом в роли диктатора и тирана, решившегося «потопить в народной крови неокрепшую российскую демократию».

Вежинов и Дробин посмотрели на генсека, как на случайно забредшего сюда городского сумасшедшего. «Кто там будет потом выяснять?! – прочитывалось в их взглядах. – Кто посмеет и с какой стати мы им это позволим?! Решение будет принято немедленно, как только мы вернемся в Москву».

– Кто в конце концов президент страны и кто генеральный секретарь партии?! – взорвался Дробин. И Русаков поразился: как же бестактно и почти нагло повел себя в этой ситуации довереннейший из его подручных, руководитель аппарата! Вот когда по-настоящему вскрывается подноготная подобных «тихих, исполнительных» чиновников! – Сейчас все зависит от вас. Только от вас. Ибо только вы способны остановить страну у края пропасти.

Вместо ответа генсек-президент неожиданно задержал свой взгляд на полковнике Бурове. Тот не выдержал взгляда Хозяина и медленно поднялся со своего крайнего, «приставного», стула. Президент все еще не знал, почему начальник охраны резиденции вклинился в «группу товарищей», но интуитивно почувствовал: Буров – единственный, на кого он как президент и просто как человек, загнанный в угол сворой заговорщиков, все еще может положиться. В любом случае моральной поддержки он пытался искать сейчас именно в полковнике, как в единственном «слабом звене» группы.

– Вам не кажется, товарищи, что мы опять зря теряем время? – полез в свою кожаную папочку Игорь Вежинов. – Вот текст «Постановления» о введении на всей территории СССР чрезвычайного положения, – подал он синевато-прозрачный листик финской бумаги, и Русаков с удивлением увидел, что это бланк его, президентской, канцелярии. – Все, что от вас, Владимир Андреевич, требуется, – так это подпись. Остальное мы берем на себя.

– Кто это «берет на себя»? – язвительно поинтересовался генсек-президент, чувствуя, как бумага в его пальцах импульсивно вздрагивает.

– Те, кто способен в эти дни взять на себя ответственность за судьбу страны, за все возможные в данной ситуации политические и военные эксцессы.

10

Первый визит первого президента Российской Федерации в суверенную республику Казахстан завершился на самой радужной ноте. Любой газетчик, какой бы политической ориентации он ни придерживался, вынужден был бы признать, что визит этот удался, поскольку выдался предельно дружественным и плодотворным. Однако под занавес его неожиданно стало происходить нечто такое, ни в какой протокол поездки не вписывающееся.

Неподалеку от Алма-Аты, у подножия двуглавой горы, склоны которой окаймлены зеленой мантией крон, Елагин вдруг пожелал искупаться в горной речке.

Люди Кузгумбаева вопросительно взглянули на хозяина, который уже вел себя, как полновластный восточный правитель, и тот, снисходительно улыбнувшись: «ну, что вы хотите, это же русский!», едва заметно кивнул головой.

Как и всякая горная речка, эта мало была приспособлена для купания, а тем более – для плавания, поэтому кавалькада машин остановилась в десятке шагов от ее берега, рядом с каким-то поселком, только для того, чтобы высокий гость мог полюбоваться окрестным

пейзажем. Никому и в голову не пришло, что Президенту России вздумается в ней... искупаться!

– Может, предложить ему бассейн на вашей горной вилле, – едва слышно напомнил Кузгумбаеву его первый помощник.

– Нет, – передернул щекой Отец Казахов.

– Тогда – на стадионе «Олимпийский», в спецсекторе?

– Здесь, – свел на нет его усилия Кузгумбаев. – Найти место, организовать охрану, халат, белье... – произнеся это, он взглянул на часы.

Отлет запланирован на семнадцать по местному. Протокол есть протокол. У них еще три часа.

Соглашение о сотрудничестве между Россией и Казахстаном уже подписано, все формальности соблюдены. После речушки – официальный обед, короткая пресс-конференция и... аэродром.

– Аэродром? – вопросительно произнес он вслух.

– Готовность номер один, – мгновенно отреагировал первый помощник, уже привыкший к тому, что зачастую Хозяин говорит отрывками фраз. – Через час проконтролируем.

– Жесточайше проконтролировать.

– Уже сделано.

– Совместно со службой безопасности русского.

Многозначительно переглядываясь, высокомерные казахские чиновники подвели Елагина поближе к скале, где, на изгибе речки, образовалась небольшая гранитная чаша. По-прежнему снисходительно ухмыляясь, Кузгумбаев понаблюдал, как русский вносит свои обвисающие тела в чистые горные воды. Он знал, что «кремлевский брат» любит русскую баню со снежной купелью после парной. Баню и снег для него готовы были организовать на высокогорном правительственном пансионате, приютившемся на одном из склонов хребта, почти на самой границе с Киргизией.

Однако направляться туда «кремлевский брат» не пожелал, сославшись на слишком спешные дела в Москве. Президенту Казахстана не нужно было объяснять, что это за дела. С некоторых пор у него в Москве появилась своеобразная агентурная сеть. Нет, пока что там не существовало ни резидентов, ни нелегалов с «радисткой Кэт», но везде: в парламентах СССР и России, в Совминах; милиции и даже в КГБ появились люди Кузгумбаева, которых его гонцы успели самым примитивным образом подкупить и завербовать и которые, представляя в собственных глазах кураторами Казахстана и друзьями Отца Казахов в любое время суток могли позвонить по одному из московских телефонов и сообщить... или даже посоветовать. Исключительно на правах столичных кураторов. В конце концов речь ведь идет не о передаче каких-либо сведений за рубеж.

Так вот, еще неделю назад из Первопрестольной поступил сигнал о том, что в ней готовятся очень серьезные события, которые могут привести даже к смене первого лица и вообще к смене власти, режима, строя. Сообщения, поступавшие в последующие дни, лишь подтверждали, что события развиваются по самому сложному и неотвратимому сценарию и что в Москве явно назревает переворот. Причем не просто очередные политические распри, а самый настоящий переворот, к тому же не дворцовый, а полнометражный, с участием силовиков самого высокого ранга.

При всей невероятности этого прогноза, Кузгумбаев легко поверил ему. Он прекрасно понимал, что постепенно Русаков теряет поддержку не только в верхушке партии, но и Верховном Совете и даже в госбезопасности. С той поры, когда в России появился свой собственный президент, не признающий ни руководящей роли партии, ни союзного договора – в том его виде, в каком он до сих пор существовал, – «кремлевские перестройщики», во

главе которых оказался Русаков, лишились своей главной опоры; того монолита, на котором возводилось само имперское мироздание.

Отгадку того, почему в столь напряженное, сложное время Русаков преспокойно пребывал в Крыму, а не в Москве, Отец Казахов нашел довольно быстро и основательно: «Президент Союза в общих чертах в курсе того, что его силовики и несколько коммунистов-ястребов готовятся “потерявший страх народ советский” слегка встряхнуть, вспугнуть и, напомнив 37-й год, “поставить на уши”». А вот почему накануне того же переворота решил оставить Москву и оказаться в далекой Алма-Ате президент России Елагин – этого он для себя объяснить пока что не мог. Ему просто не верилось, что и до сих пор тот не подозревает: до реального переворота остались считанные часы.

Впрочем, похоже было на то, что Елагин действительно все еще пребывал в приятном неведении. Нет, он, конечно, знал, что идет борьба за верховную власть советской империи; что у Русакова появилась достаточно сильная оппозиция и в партии, и в структурах силовиков... Но почему-то считал, что руководства России это как бы и не касается. Наоборот, намекал на то, что, почувствовав под ногами трясину, генсек-президент начнет считаться с суверенными правами России и других субъектов Союза. Что, наконец-то, он пойдет на уступки, на демократизацию союзного договора, окончательно согласившись и с суверенными правами республик, и с четкими разграничениями полномочий по горизонтали «республика – центр». А главное, отрешится от поста генсека, а значит, и от руководящей роли партии, от однопартийной системы.

Вот и сейчас Елагин все еще пытался представить в глазах «казахских товарищей» в роли бунтаря-демократа, защитника угнетенных «младших братьев». Не лишая его этой благодатной роли, Отец Казахов демонстративно подчеркивал, что их договор о сотрудничестве является договором «двух суверенных государств» и что Казахстан стал первой независимой суверенной республикой, с которой Россия решила подписать столь широкомасштабный договор. Даже не с Украиной, а именно с Казахстаном. Что было очень важно прежде всего для утверждения лидерства Кузгумбаева в среднеазиатском регионе, в котором до сих пор всегда главенствовал правитель Узбекистана.

11

Добраться до оврага оказалось не так уж и сложно. Курбанову даже не пришлось зажигать фонарик, хватило мерцания едва проклевывающейся луны. Труднее было с деревом, чья ветвь ложилась бы на старинную каменную ограду. Виктор уже решил было, что то ли водитель что-то напутал, то ли ветку давно срезали, но, преодолев мелкий, с размытыми склонами овраг, обнаружил, что все осталось, как было. Единственное, о чем Леха забыл предупредить его, так это о том, что старинный клен или дуб, – во мраке Курбанов так и не определил его породу, – находится по ту сторону препятствия, а ветка свисала через ограду.

Достав из спортивной сумки тренировочную веревку с двумя петельными ручками на концах, специально приспособленную для лазания по деревьям, майор перебросил ее через ствол и, подтянувшись, захватил ветку ногами. Еще одно усилие – и веревка уже не понадобилась. Докарабкавшись до стены, Виктор взобрался на ветку верхом и осмотрелся: луч прожектора лениво прополз над ним, выхватил из мрака высотный корпус санатория, водонапорную башню, крыши двухэтажных особняков... Оставшись вполне удовлетворенным осмотром, Курбанов, с помощью все той же веревки, мягко приземлился по ту сторону трехметровой ограды, а еще через минуту ступил на вымощенную тротуарными плитами дорожку.

«Добро пожаловать в “Интернациональ”, мистер Курбанов, – поприветствовал самого себя, поскольку никто из обслуживающего персонала сделать этого не удосужился. – Чув-

ствуйте себя, как в отеле “Риц”. Или как в лагере заключенных. В зависимости от ситуации и настроения».

В общем-то, вся эта партизанщина была излишней. В кармане у Курбанова лежал пропуск, позволявший ему проходить в «Интернациональ», когда ему вздумается, и находиться там столько, сколько заблагорассудится, не вдаваясь ни в какие объяснения по поводу своих визитов. Но он хорошо помнил слова полковника Бурова, по чьей воле – или прихоти – оказался здесь: «только так, командос: не мельтешить. Залечь в глубокую консервацию, чтобы все забыли о твоём существовании. Даже если вся наша контора погибнет в этой гражданской сутолоке, ты должны уцелеть».

– Ради чего?.. – наивно поинтересовался тогда Курбанов.

– Ради выполнения долга, – врубил побледневшим кулаком в стол полковник. Он терпеть не мог вопросов, звучащих из уст подчиненных. Буров тщательно готовился к каждой беседе и был убежден, что доносит свою мысль до подчиненного «четко, доходчиво и недвусмысленно». Для него это было принципиально – чтобы четко и недвусмысленно. – Да-да, долга. Или теперь, в эпоху этой, мать их, гласности, это понятие уже ни черта не значит?!

– Задача ясна, – пробубнил Курбанов. – Залечь. Отсидеться. Быть готовым.

– Можешь считать, что, задав этот свой «задушевный» вопрос, допустил большую и самую недопустимую бестактность по отношению к разведке и всем ее традициям.

– Не могу же я уйти на задание, понятия не имея о его характере.

– А мы тут еще и сами не знаем, «каков его характер», майор Курбанов. Вы что, не видите, что происходит в этой стране? – Майор уже был проинформирован, что сам Буров тоже срочно вылетает в Крым, чтобы принять пост начальника охраны президентской резиденции. Должность эта была прекрасна тем, что позволяла Бурову своеобразно легализоваться на полуострове, куда он постепенно перебрасывал подчиненный ему отряд «Киммериец», непосредственное, полевое, командование которым ложилось теперь на Курбанова. – И вообще что это вы, майор, так занервничали, что вас смущает?.. Или это не вы «душманили» в свое время в Афганистане?

– Душманил, было дело, – сдержанно процедил майор. Какое-то время ему действительно приходилось работать под душмана, и Буров оставался одним из немногих, кто еще помнил об этом.

– Но конечно же понятия не имеете о том, что происходило в Тбилиси или в Узбекистане?

– В Тбилиси и Узбекистане – тоже... – неопределенно как-то согласился Курбанов.

Их взгляды встретились. Всякое упоминание об Узбекистане было крайне неприятно Курбанову: там ему пришлось выполнять одно из самых мерзких заданий.

– Не вы ли отслеживали ситуацию в Вильнюсе, когда там в очередной раз обмочились эти педерасты из кагэбистской «Альфы»?

– Не отрекаюсь, пришлось отслеживать.

– Кстати, вы откуда только что вернулись? – подколодно прищурился Буров. Всякую, пусть даже смертельно безнадежную, командировку за рубеж полковник преподносил с такой скопидомной щедростью, словно отправлял своих «волкодавов» не на шпионско-диверсионное задание, а на курорт.

– Из Ирака, естественно.

– Где тоже были законсервированы?

– Исходя из приказа, маз-зурка при свечах.

– Тогда какого дьявола?!

– Просто до сих пор мне еще не приходилось залегать в Союзе.

Полковник – коренастый, седовласый крепыш с ожоговыми шрамами на левой скуле, поднялся из-за стола, осмотрел рослого Курбанова, как карлик Гулливера, и, приподнимаясь на носках, прошипел:

– Так вот, здесь, в Союзе, если так пойдет и дальше, вам придется не только залечь, но и полечь. Потому как доигрались, мерзавцы забулдыжные. Но ты, Курбанов, именно ты, – в общении с ним полковник имел право переходить на «ты», в свое время майор начал службу в армейской разведке под его командованием, – нам еще понадобится. У тебя – опыт. У тебя аристократическая внешность. У тебя хватка. А главное – хладно-кро-вие. Понял?!

Хладнокровие любого из своих «бойцов» полковник истолковывал, как высшее проявление воинской доблести, а само определение «хладнокровный» звучало в его устах неоспоримой похвалой. Вот только тайной оставалось – какой именно смысл вкладывает полковник в это понятие в каждом конкретном случае.

– Так точно, понял. Командованию виднее, – безо всякого энтузиазма признал Курбанов.

– И потом, ты ведь у нас, кажется, детдомовский? – «Кажется» было явно излишним: полковник наверняка знал о нем все, вплоть до того, когда он впервые – тайком, в школьном туалете – пригубил окурочек или потрогал за грудяшку свою одноклассницу. – А потому по рукам-ногам, как все многие-прочие, никакими сантиментами не связан. К тому же не женат, что делает тебя совершенно неоценимым.

– В каких-то пределах, – не стал скромничать майор.

Полковник закурил, предложил Курбанову, но, вспомнив, что, вдобавок ко всем его благостям, майор уже давно не курит, недовольно проворчал: «Ах, да... Ты из праведников». Курбанов помнил, что сам Буров непьющих-некурящих почему-то терпеть не мог. Хотя и не упустил случая пораспекать всякого, обнаруженного хотя бы слегка подвыпившим.

– Место я для тебя выбрал, – мечтательно повел подбородком Буров, – как для самого себя. Интерпартийный рай. Но помни: предательства не потерплю. Сомнений тоже. Понадобиться можешь в любое время суток. Выполнять будешь любые мои приказы. Мои – и ничьи больше. Разве что в самом ничтожном случае – человека, который назовет пароль.

– Намертво запоминаю.

– Запоминать будешь, вскрыв пакет, обнаруженный тобой уже непосредственно в «консервке». Там же будут инструкции. И помни: никто из людей, не знающих пароля, в обиталище твое проникнуть не должен.

– И что же это за рай? Отель, что ли?

– «Интернациональ». Дом отдыха, санаторий, пансионат, или что-то в этом роде, для всяких там забулдыжных мерзавцев, политэмигрантов. Причем расположен, обрати внимание, в Крыму.

– Значит, опять «за рубеж»?

Буров воинственно осклабился, очевидно, намереваясь разразиться по поводу Крыма как «зарубежья», но сумел удержаться и, нервно поиграв желваками, прорычал:

– А что, все может быть!.. И, если эти мерзавцы забулдыжные допустят до этого, придется тебе укорениться в Украине, как во всяком ином зарубежье.

– Ясно. Насколько я понял, «Интернациональ» – объект Управления делами КПСС, причем охрана его пока что наша, а не суверенной Украины.

– Однако все может случиться. Даже если полуостров окажется в руках новых украинских властей, ты должен оставаться там, причем оставаться нашим.

– Так точно.

– В любом случае, объект этот, думаю, еще долго будет числиться российским, поскольку делить крымское имущество окажется ох как трудновато. Как и все прочее в Укра-

ине. Пребывая очень недолгое и суровое время в руководстве крымского отделения разведки, я сам имел возможность немного познать, что такое Киммерия. Но главное, в чем я убедился, – нужно уходить в бизнес, так же, как уходит туда верхушка партии.

– В бизнес?! – напрягся майор. – То есть нужно подавать в отставку и уходить в бизнес?

– Что тебя пугает? Не ты первый. И не обязательно подавать в отставку. Впрочем, возможно, в отставку тебе и придется подать, но позже. Кстати, политика станет давить на тебя лишь постольку-поскольку. Что же касается «Интернационаля», именуемого с недавних пор «Лазурным берегом», то он нам еще может пригодиться. Не исключено, что когда-нибудь мне самому придется какое-то время пересидеть в этом пансионате, в секретном бункере. Но это так... – поморщился Буров, заметив удивление на лице майора. Он и сам остался недоволен собственными откровениями. Потомственный офицер разведки, привыкший жить полулегальной жизнью не только за рубежом, но и у себя на родине, он болезненно переживал всякую необходимость раскрывать хоть какой-либо секрет, хоть чуточку приподнимать завесу. – ...Имея в виду самый крайний случай. Самый крайний, понял, майор?

– Все в пределах.

– Главное, чтобы ты осознал: мы тебе доверяем. Именно тебе. Как никому, Курбанов, как никому. Так что трое суток тебе на московские сборы и прощания, и – «на юга». Я же вылетаю сегодня вечером.

– Понятно, товарищ полковник.

– И еще... Относительно тебя у нас особые планы. Независимо от того, в чьих руках окажутся в скором будущем армия и госбезопасность. Независимо, понял?

Курбанов искренне пытался проникнуть в подтекст его слов, однако удавалось ему это с трудом. Он многое пытался понять в эти дни, но, чем глубже вникал в суть происходящего, тем меньше истин открывалось. Однако в отношениях с начальством он предпочитал придерживаться святого правила мелкого служивого люда: «Если, несмотря на все объяснения начальства, чего-то в упор не понимаешь, лучше промолчи. Для полной ясности».

– Независимо от ситуации, мне приказано выполнять только ваши приказы, товарищ полковник, – подтвердил свою диспозицию майор. Однако обратил внимание: «армия и госбезопасность». Уже легче: по крайней мере не бросают в мордобойку между соперничающими конторами.

* * *

Буров снова оценивающе прошелся взглядом по могучей, просто-таки гигантской фигуре Курбанова, и, умиротворенно хмыкнув, вернулся за заваленный папками стол. Судя по беспорядку на его огромном «бумагодроме», каковым представлял перед всяк входящим сюда этот стол, хозяин его канцеляристом был никудышным. Тем не менее в «Аквариуме» давно бродили слухи о том, что Бурова вот-вот должны осчастливить лампасами. Полковник знал о них, нервничал, а потому заметно переигрывал в своем рвении сохранить «единую и неделимую».

– Ничего больше рассказывать тебе не стану, майор. Но, исключительно из любви к тебе, дам наколку. Полковника Истомина, начинавшего в Первом главном управлении КГБ, знаешь?⁴

– Фиксировал.

– Долгое время он работал в различных посольствах и в зарубежных экономических миссиях.

⁴ Первое главное управление КГБ занималось вопросами внешней разведки, но попутно оказывало консультативно-экономическую поддержку компартиям, находящимся на нелегальном положении.

– Что многое объясняет.

– Представление о том, чем он теперь занимается, имеешь?

Курбанов напряг память, перелопатил всю заложенную в его мозговой эвээмке информацию и в конце концов все же вспомнил: около года назад Истомин был переведен в Управление делами ЦК, где вскоре возглавил экспертно-аналитическую группу. Ничего удивительного: его давно считали крупнейшим специалистом по налаживанию экономической деятельности зарубежных компартий, благодаря которому даже подпольные компартии стали добывать средства из легального бизнеса. Правда, опирались они, как правило, на мощный нелегальный фундамент, покоящийся на наркотиках, оружии и всем прочем, но это уже не суть важно.

– Так, в общих чертах, – признался майор.

– Не морщься, не морщься. Да, его перевели туда. Но по просьбе руководства партии, которое, трезво оценивая ситуацию, – «Это в ЦК КПСС трезво оценивают ситуацию?! – изумился Курбанов. – С каких пор?!» – готово вкладывать деньги в легальный бизнес не только за рубежом, но и в нашей стране, то есть теперь уже в суверенных, бурно капитализирующихся республиках. Чтобы, когда все эти мерзавцы забулдыжные... Словом, ты понимаешь.

– Но я – и бизнес?..

– А перед собой ты видишь кого: президента нефтяного картеля?! Кур-ба-нов, – с отвращением покачал головой полковник, помахивая указательным пальцем перед его лицом, – ты – офицер особого отряда спецназа ГРУ. А всякий, кто хоть на минуту забывает об этом, тут же перестает быть тем, кем ему предписано быть. После чего неожиданно испаряется.

– Эт-то уж как принято, – подтвердил Виктор.

Решив, что разговор закончен, полковник достал из стола розоватый пакет и, взвешивая в руке, долго, бездумно смотрел на него.

– Здесь все, что необходимо: деньги, – он ухмыльнулся и озорно посмотрел на майора, – нигде не зарегистрированное оружие, а также инструкции по поводу первой недели пребывания в «консервке», ну и конечно же схема расположения объекта. Что ты молчишь?

– А что я должен говорить?

Несколько мгновений полковник смотрел на него, как на казарменного придурка, на неблагодарную тварь, не способную оценить ни степень снисхождения к себе начальства, ни своей собственной выгоды, затем, неожиданно побагровев, прямо в лицо майора сивушно прорычал:

– Мычать! Преисполняясь рвением и благодарностью, бессловесно мычать! Ибо не всегда и не каждому такое вот выпадает... – положил он пакет перед майором. – Усекать надо!

«... А ведь на солдафона он не похож, – молвил про себя Курбанов. – Некоторые и до маршальских жезлов дослуживаются, оставаясь беспросветными солдафонами. Даже здесь, в спецназе, в элите военной... элиты! Но это не о Бурове», – не хотелось ему разочаровываться в полковнике.

– Интересуюсь знать, как говорят в Одессе: что последует после этой, первой, недели?

– Связной сам выйдет на тебя. Ты слышал, что я сказал: «связной», а?! Это в своей-то стране! Впрочем, уже в соседней. – Еще более сокрушенно покачал головой полковник и, зло выматерившись сквозь стиснутые зубы, жестом римского трибуна выпроваживая Курбанова из кабинета. – Да, еще вот что... – остановил его уже в проеме двери. – На объекте появиться как можно незаметнее. Глаза охране и персоналу не мозолить. В конфликты не вступать. По одному из документов ты будешь проходить, как нелегал из Ирака.

– Нелегал из Ирака? Нет проблем! – Выяснить, почему именно из Ирака и что из этого следует, было бы непростительным идиотизмом.

Присмотревшись к восточному типу лица Курбанова, полковник вдруг поймал себя на том, что майор слегка напоминает президента Саддама Хусейна. В крайнем случае одного из его не совсем удачных двойников: только ростом повыше, в плечах пошире да брови потоньше, хотя и смолистые.

– Арабский, насколько мне помнится, ты вроде бы знаешь.

– С этим проблем тоже не будет.

– И еще с каким у тебя нет проблем?

– С английским, турецким.

– Ну-ну, в «Аквариуме» случаются умники покруче тебя: с пятью «родными» языками сразу. Так вот, охрана будет знать, что в «клогове» живет нелегал из Ирака, которого пришлось на время припрятать от суровой десницы Хусейна.

– Жестокий случай, маз-зурка при свечах.

– А ведь сколько усилий пришлось приложить, чтобы добиться от каждого из вас такой вот, исклю-чи-тель-ной разговорчивости, – самодовольно осклабился полковник.

12

Однако московские беседы с Курбановым – уже в прошлом. А теперь вот начальник охраны объекта «Заря» полковник Буров оказался невольным свидетелем встречи хозяина резиденции с «группой товарищей». Ему давно следовало бы ретироваться с места этой встречи, однако он упорно продолжал стоять – пусть и с краешку, у двери, но... стоять. Как начальник охраны президента, полковник не стал утруждать себя дилеммой – окажется ли он до конца верным Хозяину, выполнит ли в критический момент возложенную на него миссию; или же, помня о высших интересах гнущейся державы... Никаких сомнений: он выполнял приказ.

И когда генерал госбезопасности Цеханов одним только уничижительным взглядом попытался усадить его на место, офицер достойно выдержал этот взгляд и не подчинился. Причем сделал это, исходя из достоинства офицера разведки, и никакого отношения к верности генсек-президенту это не имело. Русаков знал, что делает, когда приказал сугубо кагэбистскую охрану свою разбавить офицерами из армейской разведки, то есть из конкурирующей с госбезопасностью конторы.

– Вы вообще-то можете задержаться здесь, в Доросе, – попытался Дробин подсказать президенту выход из ситуации, помочь ему как-то развеять сомнения. – Мало ли что: простудились слегка во время купания, приболели, всяко ведь случается. Этого времени будет достаточно, чтобы в стране, по всему Советскому Союзу, во всех республиках, было восстановлено действие Конституции СССР. Причем учтите: поскольку лично вы в ломке республиканских суверенитетов, в этом усмирении националов, непосредственного участия не принимали, то со временем это избавит вас от многих упреков и излишней моральной ответственности за возможные перегибы. Избежать которых конечно же не удастся. То есть всю черновую, неблагодарную работу мы возьмем на себя. Что в этом неприемлемого?

– Вот-вот, действительно, можно запустить версию о том, что вы заболели, – поддержал его Вежинов. – «А как только здоровье президента улучшится, – объясним мы обеспокоенному народу, – он тотчас же вернется в Москву и приступит к исполнению своих обязанностей». Для убедительности даже медицинский бюллетень опубликуем. Зато прибудете вы уже в успокоенную Москву, столицу возрожденного Советского Союза. Такая модель развития событий вас устраивает?

Русаков недоверчиво посмотрел сначала на Вежинова, затем – на Дробина, но в конце концов почему-то остановил свой взгляд на Банникове. Тот откровенно нервничал, и все те уговоры, к которым прибегали его коллеги-просители, генерала явно бесили. Уже не раз-

дражали, как в начале этой встречи, а по-настоящему бесили. Чувствовалось, что, будь он в кабинете один на один с «прорабом перестройки», действовал бы совершенно по-иному. И наверняка.

– Хорошо, посмотрим, что вы тут пишете, – снизошел Русаков до того, чтобы ознакомиться с заготовкой президентского указа, и неуверенно водрузил на переносицу очки. Уже так, сквозь стекла, он еще раз прошелся взглядом по «группе товарищей». Лицом его блуждала растерянная улыбка человека, с которого только что основательно сбили спесь.

«В соответствии со статьей 127, пункта 3 Конституции СССР и статьи 2 Закона СССР “О правовом режиме чрезвычайного положения”, – пробежал он придирчивым взглядом первые строчки машинописного текста, чувствуя, что плохо воспринимает смысл изложенного, – а также, идя навстречу требованиям широких слоев населения...»

«Опять это пресловутое “...идя навстречу пожеланиям трудящихся”!» – возмутился он. Однако замечаний по тексту делать не стал.

Президент прекрасно понимал: стоит ему втянуться в редактирование указа, как Вежинов и Дробин начнут идти на уступки, а потом, в нужный момент, представят его общественности как одного из соавторов документа.

– Нет, – решительно повертел он головой, – нет, нет... Я этого не подпишу.

– Почему?! – с наигранным удивлением поинтересовался генерал армии Банников. При этом лицо его передернулось гримасой снисходительной иронии. – Что на сей раз мешает вам исполнить свой президентский и партийный долг?

– Я уже объяснял, что так, сразу, этого делать нельзя... Сначала все эти пункты о чрезвычайном положении в стране надо обсудить на Верховном Совете, на Политбюро. Выслушать мнения юристов, посоветоваться с товарищами из ЦК по принципиальным вопросам, чтобы, так сказать, сообща сформировать коллективную позицию...

Буров давно обратил внимание, что провинциально-нижегородская, с налетом партноменклатурного сленга, речь Русакова коварно разрушала внешний облик рафинированного – пусть даже и советской закваски – интеллигента. Впрочем, возрожденным пролетарскими низами номенклатурным выдвиженцам это наверняка нравилось.

– Так ведь с товарищами уже посоветовались, – напомнил тем временем хозяину резиденции Вежинов. – Высшие должностные лица страны, руководство партии, армии и госбезопасности – все давно в курсе. Все упирается в подпись Президента и генсека. Только в подпись, – можете вы это понять, или нет?! – потянулся секретарь по идеологии к нему через стол, и посеревшее, слегка обрюзгшее лицо его наполнилось такой синюшной яростью, что Русаков поневоле отшатнулся.

Однако напор его все-таки выдержал; подождал, пока главный идеолог опустится на свое место, и только тогда снова остановил взгляд на все еще стоявшем навтыжку полковнике Бурове. Похоже, что при всем своем скромном звании, тот вовсе не чувствовал себя в этом кабинете ефрейтором на генеральском совете. Несмотря на то, что ростом этот коренастый плечистый человек не впечатлял, небольшой ожоговый шрам на левой щеке и приращенное в своей суровости выражение лица делали его похожим на Отто Скорцени. Президент не мог знать, что для самого Бурова подобное сравнение не в новинку и что профессиональную самооценку его образ грозного «двойника» никоим образом не задевает. Однако, выкристаллизовав для себя это сравнение, Русаков как-то сразу же успокоился.

Другое дело, что сам полковник вряд ли понимал, на что именно хозяин резиденции, пусть хотя бы в надеждах своих, рассчитывает, обращаясь к нему взором; на что уповает, чего конкретно добивается, а главное, как далеко готов зайти в противостоянии наглюющей «группе товарищей»?

В какое-то мгновение Бурову показалось, что генсек-президент вот-вот прервет увещания этого «сборища путчистов» и потребует от него, как офицера личной охраны, оградить его от присутствия в резиденции людей, которых он сюда не приглашал.

Начальнику управления охраны КГБ генералу Цеханову, очевидно, почудилось то же самое; он даже приподнялся, чтобы приказать полковнику выйти, но в последнее мгновение не решился: вдруг не подчинится? И потом, это ведь начальник охраны резиденции, а значит, за полковника может вступиться Президент. Тем более что совершенно не чешется генерал-майор Ротмистров, который непосредственно курирует охрану «объекта Заря», а посему обязан был проследить, чтобы полковник ни при каких обстоятельствах в кабинет Президента в эти минуты не попал.

Так уж случилось, что в спешке все они, «москвичи», как-то прозевали Бурова, не придали значения его неспрогнозированной активности. А как же он мешал им теперь вести переговоры, придавая генсек-президенту, пусть иллюзорную, но все-таки уверенность в себе; сотворяя для него ощущение контроля над ситуацией!

– Это ведь не так просто: взять и объявить... – набрался тем временем решительности Президент, – что, дескать, «действие Конституции СССР восстанавливается на всей территории бывшего Советского Союза». Вопрос: как восстановить эту самую территорию, когда республики успели пообъявлять суверенитеты? – принялся убеждать их всех. – Вы же понимаете, что процесс этот уже пошел, и вторгаться в него чревато... К тому же должно быть согласие верховных советов республик. Это же судьбоносные решения. А как мы объясним происходящее высшим должностным лицам Украины, Белоруссии, Казахстана?.. Почему принимали решение, не посоветовавшись с ними?

– Да некогда сейчас заниматься этим, Владимир Андреевич! – еле сдерживал себя Вежинов, нервно посматривая при этом на часы, словно вопрос о введении чрезвычайного положения уже лимитируется минутами.

– Поймите же вы, – парировал Русаков, – что так нельзя поступать! Не то время, не та ситуация в стране. Своей напористостью вы все погубите. Все, чего мы достигли. Не забывайте, что мы находимся накануне подписания союзного договора, который должен восприниматься, как гарантия центра в деле перестройки всех республиканских институтов власти! И процесс этот уже пошел...

– Интересно, каким это образом мы способны «все погубить»?! – вновь ожил Банников, демонстративно пожимая плечами.

– Когда и так все давно погублено, – проворчал Вежинов.

– Наведем порядок в центре и в республиках, – продолжил генерал армии, – потом и договор подпишут. Куда они денутся, эти националы? Все, как одна, республики – в «суверенные» подались, мать их!.. Ничего, рано или поздно, всех назад в Союз загоним!

– Ну что значит «загоним», генерал? – поморщился Дробин.

– А то и значит! Заартачатся – прижмем. Кстати, все по тем же советским законам прижмем, которых пока что никто не отменял. Пора учить их, как родину любить.

* * *

Наступила минутная пауза. Русаков сделал вид, что вновь погрузился в чтение документа, но присутствующие понимали: это всего лишь дипломатический тайм-аут, генсек-президент опять тянет время. «На что надеется? – нервно переглядывались они. – Не подпишет он, подпишут за него, хотя бы тот же вице-президент, – зло кряхтели генералы. – Или же это будет коллективное решение некоего «Комитета по спасению Отечества», – решительно посапывали гражданские чины. А все вместе нетерпеливо покашливали да раздраженно переглядывались, всячески пытаясь поторопить Президента.

– Так что будем делать, Владимир Андреевич? – тоном следователя НКВД поинтересовался Вежинов, давая понять, что терпение их не безгранично. – Решимся наконец подписывать наш общий документ или опять примемся полемизировать?

– Как хотите, Игорь Семенович, но подписывать этот документ я не стану. И вообще почему этими вопросами занимаетесь вы? – обвел он всех присутствующих слегка растерянным, но все же довольно жестким взглядом.

– А кому еще заниматься?! – изумился первый заместитель председателя Госкомитета по обороне Вальяжнин. – Кто-то же должен ложиться на амбразуру.

– На какую еще «амбразуру»?! Вам что, неизвестно, что для принятия подобных решений существуют высшие органы и высшие должностные лица страны? Законно избранные, действующие на основе конституции. Без них я ни в коем случае не стану подписывать это, – пренебрежительно отодвинул он текст указа.

– Ах, ты не станешь подписывать?! – хищно ухмыльнулся генерал Банников, по-солдафонски переходя на «ты». – Мы еще должны уговаривать тебя?! К черту! В отставку! Ты ж посмотри: погубил, проср... страну, и еще сидит здесь, выкаблучивается, мать твою!..

– Генерал, генерал... – поморщился Вежинов, понимая, что перепалка зашла слишком далеко, но в то же время, по сути, поддерживая «дух и букву» требования главкома.

...И вот тут полковник Буров весь напрягся, как пес, рвущий поводок. Он ждал приказа генсек-президента или хотя бы обращения с просьбой оградить его от оскорблений. Теперь уже для него как офицера охраны, офицера армейской разведки не существовало ни высоких чинов, ни мелочных сомнений.

В глубине души полковник прекрасно понимал возмущение генералов и прочих пришлых «товарищей», которые не могли и дальше наблюдать, как на их глазах и при их преступном безучастии рушится огромная империя. Но понимал и Президента, осознающего, что вслед за «чрезвычайкой» на улицах Москвы, Киева, Вильнюса, Риги неминуемо появятся танки и десантники, а значит, вспыхнет гражданская война.

Ему вдруг вспомнилась недавно вычитанная в книге о последних днях Российской империи сцена отречения – где-то в поезде, на какой-то железнодорожной станции, в тупике – императора Николая II. Один из свидетелей этого «судьбоносного» акта с презрением и осуждением писал потом, что император отрекся от трона империи с таким безразличием, словно передавал командование эскадром. Так вот, сейчас, по мнению полковника, происходило нечто подобное. Окружение генсек-президента требовало от него отречься от президентского «престола», как все от того же пресловутого «эскадрона». А потому Буров по-прежнему ждал приказа, моля при этом Господа, чтобы его так и не последовало.

– Что «генерал», что «генерал»?! – разыгрывалась тем временем на крымских берегах имперско-эскадронная драма, с главкомом Сухопутных войск в главной роли. – Нехрен ему здесь поучать нас! Пусть подает в отставку, и все тут!

– Вы... как со мной разговариваете?! Что вы тут позволяете себе? Вы... вы – знаете кто? – слегка привстал Президент. – Вы – мудаки! Вы поняли меня?! Вы – мудаки!

От неожиданности все приподнялись со своих мест и ошалело смотрели на Русакова. Что ни говори, а «мудаки» из уст генсек-президента – это было так глубоко по-русски, так любой «загадочной русской душе» понятно и доступно! И вообще – в стиле все той же, изысканно русской, «туфлей по трибуне ООН», дипломатии.

– То-ва-рищ Президент, – увещевающе начал было Вежинов, однако в этот раз перехватить инициативу хозяин резиденции ему не позволил, прекрасно понимая, что аргументы «московских товарищей» исчерпаны. Как исчерпаны и средства воздействия на него. А значит, самое время дожать путчистов, добываясь решительного перелома в переговорах. «Вот именно, путчистов!» – ухватился Президент за это определение.

– Повторяю для тех, кто не расслышал: вы – мудаки... И разговаривать с вами на эту тему я не собираюсь. Все, не смею вас задерживать. Я намерен завтра же вернуться в Москву, и тогда уж мы рассмотрим ваши действия на заседании Политбюро, на Президиуме Верховного Совета, словом, будем делать выводы...

– Он, видите ли, намерен вернуться в Москву! – саркастически изумился Банников. – Нет, вы видели такое?! Слушай, ты... – Восстал он во весь свой громадный рост. – Ты или сейчас же напишешь заявление об уходе в отставку, или же мы тебя!..

– Полковник Буров, – даже не ужаснувшись натиску генерала, а как-то совершенно непроизвольно, в каком-то инстинктивном порыве, обратился к начальнику охраны Русаков.

– Я, товарищ Президент, – тотчас же отозвался офицер.

– Проводите товарищей до ворот резиденции.

– Это ж кого и куда «проводите»?! – громыхал басом Банников. – Что значит: «проводите»? Кого это он собирается выпроваживать?! – обратился главком за поддержкой к своим единомышленникам, стараясь игнорировать при этом порыв самого полковника. – Нам еще договорить надо, иначе какого хрена нужно было тащиться сюда из самой Москвы?!

13

Положив трубку, Корягин тяжелым взглядом прошелся по министру обороны и министру внутренних дел.

Он не торопился. Да и министры приучены были терпеливо ждать. Когда в Стране Советов советы начинает давать сам шеф КГБ, лучший совет, который можно было дать этой стране – это многотерпимо проникаться его мудростью. И министров это касалось в первую очередь.

– Если все пойдет по плану... – Корягин почему-то умолк, долго и отрешенно всматривался в какую-то запись в «еженедельнике», артистично как-то прокашливался...

«Какого черта он тянет?» – поиграл желваками маршал Карелин. По старой армейской традиции он терпеть не мог политработников и особистов. Министр обороны всегда относился к их присутствию в армии, как относится к присутствию в обществе прокаженных: все знают, что они, эти отверженные прокаженные существуют, однако официально предпочитают ничего об этом не ведать.

– Так вот, если все пойдет по плану... по нами разработанному... Президент России сможет вернуться из Казахстана не раньше двух часов ночи.

– А без него никто никаких реальных контрмер со стороны российских республиканских властей предпринимать не сможет, – ловил его замысел министр внутренних дел Пугач.

– Ибо там некому принимать какие-либо решения.

– Значит, у нас достаточно времени, чтобы все обдумать и тщательно подготовить.

– Но к двум ночи Елагин все же появится в Москве, – проворчал маршал.

– Ну, появится, и что? – принял этот удар на себя главный милиционер Союза.

– А мог бы и не появляться, – отрубил маршал, упираясь руками в колени и рассматривая стол с таким вниманием, словно перед ним карта-схема завтрашнего сражения.

– Мог бы, – согласился Пугач. – Вот армии бы взять и подсуетиться...

– Причем здесь армия?! – буквально взревел маршал. – Что вы во все свои дела втягиваете армию? Нам, в армии, что, больше нечем заниматься?!

– Но она же у нас – основная ударная сила... – несколько стушевался Пугач, и с надеждой взглянул на шефа госбезопасности, явно рассчитывая на его поддержку.

– А на кой... существует тогда милиция?

– Спокойно... господа, – это неожиданное в устах главного кагэбиста страны «господа» как-то сразу же заставило обоих министров умерить свой пыл, втянуть головы в плечи и обиженно взглянуть на Корягина. Дескать, ну зачем так уж сразу – «господа»?

– Да, к двум он появится здесь, – еще жестче проговорил шеф госбезопасности. – А значит, уже утром сможет предпринимать меры, направленные против создаваемого нами Комитета по чрезвычайному положению; на блокирование его действий и решений. – Шеф госбезопасности опять обвел взглядом сообщников по перевороту и нацелился свинцовыми стеклами очков, словно окуляром снайперской винтовки, на генерала армии Пугача.

– Согласен, нужно принимать решение, – мгновенно осипшим голосом пробормотал тот.

– Так принимайте же, принимайте! – с явной издевкой подбодрил его Корягин, прекрасно понимая, что никто из них никаких решений принимать не может и не желает.

– Но только не арест в аэропорту. Президентская охрана, пассажиры, знаете ли... Опять же, реакция мировой общественности...

– Ну, началось: «реакция мировой общественности...»! – Корягин не настаивал на том, чтобы шеф милиции решился на арест Президента России. Но ему доставляло удовольствие видеть, как нога Пугача трусливо дергается, а сам он не проявляет ни инициативы, ни мужества.

– Это что ж получится, что и второй президент тоже окажется под арестом?! – информационно заклонило Пугача.

– Два президента в одной стране – и оба под арестом, – мрачновато хохотнул маршал Карелин. – Такое возможно только в России.

– Если надо – еще троих арестуем. Однако никто не настаивает, чтобы арест обязательно производился в аэропорту, – запоздало огрызнулся главный кагэбист страны, переводя взгляд на маршала. Вопросительно так посмотрел.

Если бы сейчас эти двое служаков в виц-мундирах решились на то, чтобы нейтрализовать Президента Елагина, он, возможно, тоже решился бы на это, поддержал. Однако они ждали решения шефа госбезопасности. И не потому, что очень уж уверовали, будто именно он, Корягин, является истинным руководителем путча. Просто в очередной раз сработала уверенность советского человека, что все, что бы ни происходило в этой стране кризисного, конфликтного и «арестабельного», обязательно связано с «органами».

Однако Корягин помнил, что формально во главе ГКЧП все же должен стоять не он, а вице-президент Ненашев. Легитимный вице-президент, легитимное – то ли второе, то ли третье – лицо в государстве... Что придавало хоть какую-то видимость легитимности и всему этому наспех сколоченному коллективному органу государственного правления. И не Корягина беда в том, что никто всерьез этого запойного вице-президента Ненашева в качестве новоявленного главы государства не праздновал. Хотя, казалось бы... Как такой человек вообще мог оказаться в высшем эшелоне власти страны?

Но самое пикантное в этой ситуации было то, что главный кагэбист прекрасно знал: все свои действия члены гэкачепе производят с оглядкой... на генсек-президента Русакова. Понимая, что, при любом исходе этого путча, им так или иначе придется объяснять свои действия перед этим человеком. Как, впрочем, и свое отношение к нему во время путча...

Тем временем министр обороны выдержал томительную паузу и, глядя куда-то в пространство перед собой, мечтательно изрек:

– Разве что посадить самолет на каком-то из промежуточных аэродромов?..

– Или даже на военном, запасном... – подсказал ему Пугач. – Да устроить основательную техническую проверку.

– Еще надежнее – объявить, что самолет потерян из виду, в связи с чем ведутся поиски, которые в конечном итоге могут даже завершиться успехом.

– В крайнем случае можно прибегнуть и к последней мере, – все еще ввинчивался взглядом в никуда маршал Карелин, но так и не решившись произнести то, что неминуемо должно было сорваться с его губ: «сбить его!». Вместо этого маршал по-адвокатски заскулил про себя: «Однако же сбить самолет Президента России! Кто на такое решится? Конечно, потом это можно будет преподнести как обычную авиакатастрофу, с подставной комиссией по расследованию и состряпанным отчетом, но все же, все же...» А, считая, что Корягин и Пугач понимают, о чем идет речь, вслух произнес: – Впрочем, такие решения нужно принимать заранее, высшим руководством и при коллегиальной ответственности. Подчеркиваю: при коллегиальной ответственности и предельной секретности. Кстати, с Русаковым этот вопрос обсуждался?

– Еще чего?! – проворчал милицейский генерал, и был удивлен, когда Корягин вдруг заверил военного министра:

– Этот вопрос тоже затрагивался. Естественно, в режиме абсолютной секретности. Правда, результат оказался нулевым. Дальше общих рассуждений относительно того, что Президент России как-то слишком уж не вписывается в «договорный процесс» и что его позиция служит плохим примером для глав других республик, – так и не продвинулись.

– Потому что наш гарант вроде бы и хочет разгрести все то дерьмо, которое сам же и навалил, но при этом самому остаться непогрешимым, как папа римский. И ему наплевать, что, походя, он марает все высшее руководство и прежде всего – командование армии, которую вообще нужно держать подальше от политики, – излил свой гнев маршал. – Не успеешь вывести из казармы бронетранспортер, как поднимается вопль: «Военный переворот! Хунта рвется к власти!».

– Изолировать Елагина, конечно, надо, – сипловатым от волнения голосом признал Пугач. – Однако делать это следует уже в Москве. Осторожно, постепенно и, знаете ли, – нервно повертел он руками, – как-то все это политически обставляя. Собственно, для таких дел и существует армейский спецназ. Вспомните, как он сработал при захвате президентского дворца в Кабуле.

– Да мало ли что происходило в Кабуле, в Праге, в Будапеште и еще черт знает где! Но происходило это на чужой территории, а здесь мы – на своей, – решительно возразил маршал. – И еще напомним, что для внутренних дел существует спецназ госбезопасности.

Корягин нервно поиграл желваками. Круг замкнулся. Так или иначе решение придется принимать ему самому; ему же нужно будет отдавать приказы и бросать на их выполнение кагэбистские подразделения. В связи с этим старый чекист не сомневался, что уже завтра во всех информационных агентствах мира это будет названо: «кагэбистским переворотом». Однако отступить уже было слишком поздно.

– Ладно, на этом будем завершать, – безвольно хлопнул ладонью по столу шеф госбезопасности. – Все равно ни на какое реальное решение мы не выйдем. Свободны... господа.

Вновь услышав это классово чуждое «господа», министры обороны и внутренних дел удрученно как-то переглянулись. В эти минуты они чувствовали себя подмастерьями, которые очень старались, но работой которых мастер все же остался недоволен.

14

Необходимости сверяться со схемой «Лазурного берега» у Курбанова не возникало. Виктор запомнил ее настолько, что многие объекты способен был возродить в памяти, как на мониторе компьютера. Вот памятник Карлу Марксу, чуть дальше, по центральному проспекту, – пятигранная громадина давным-давно истоцившегося фонтана; вымощенная булыжником дорожка, уводящая от центральной аллеи в сторону беседки, сиротливо грезя-

щей на берегу старинного – очевидно, еще барского, поскольку пансионат располагался на территории дворянской усадьбы, – пруда.

Обойдя его по правому, почти неосвещенному берегу до пустующего постамента, Курбанов извлек из сумки фонарик и при свете луча прочел написанное латиницей: «Овидий».

«В таком закутке – и вдруг Овидий?! Кто сносил – понятно: те же, что когда-то бросались с топорами на «мелкобуржуазный инструмент» рояль. Но, вот, хотелось бы знать, кто соорудил. Хотя бы постамент убрали, Европы постеснялись. Впрочем, из-за рубежа сюда прибывают такие же идейные упыри, как и те, которые этого “Овидия” сносили».

Еще пять минут петляний по тропинке, утопающей под кронами густого паркового кустарника, и майор наткнулся на трехметровую бетонную стену. Луч фонарика метнулся влево, вправо... ни ворот, ни калитки. Ну, так не бывает!

Долго брел вдоль мрачной, почти крепостной стены, уводившей все дальше в дебри девственного леса. У какого-то овражка пробрался сквозь кустарник и, пошарив лучом по тщательно отштукатуренному фундаменту, обнаружил то, что и надеялся обнаружить, – бетонно-металлическую дверцу, приблизительно метр на метр, над назначением которой долго гадать не приходилось – обычный тайный ход. Вполне возможно, не единственный.

Пока что у Курбанова не было ни возможности, ни желания воспользоваться своим открытием, и все же он остался им доволен, а потому сразу же сориентировал его относительно стоявшей метрах в сорока пятиэтажки, свет из окон которой тускло пробивался сквозь ширму кроны.

Где-то позади, по центральной аллее, переговариваясь по-немецки, проходила парочка. Каждое слово мужчина произносил так, словно чеканил команды. Из стоявшего неподалеку двухэтажного особняка долетала устроенная героями какого-то кинобоевика пальба. Однако все эти банальные признаки цивилизации почему-то совершенно не облагораживали глухомань закутка, в котором Курбанову предстояло провести как минимум две ближайшие недели.

Преодолев еще один неглубокий овражек, напоминающий полузасыпанный окоп, Виктор наконец вновь почувствовал сухую твердость брусчатки, на краю которой угадывался огромный прямоугольник ворот.

Неподалеку вспыхнул луч фонарика, и Курбанов инстинктивно подался назад, припал к стволу дерева, слился с ним, подобно перевоплощающемуся в дерево нинзя. Он все еще продолжал вести себя, как подобает диверсанту, оказавшемуся на территории вражеского объекта. Игра? В каком-то смысле – да. Но в то же время майор не забывал напутствия Бурова: «Не мельтешить. Основательно консервироваться и ждать». Почему «консервироваться»? «Чего ждать»? – отвечать на эти вопросы полковник не собирался. Да и вряд ли ему самому известны были ответы на них. А тут еще срабатывал инстинкт профессионала. Когда большую часть жизни готовишься к борьбе и выживанию в глубоком тылу противника, поневоле начинаешь чувствовать себя чужаком везде, куда бы ни забрасывала тебя судьба, постепенно превращаясь в заматерелого волка-одиночку.

– Непонятно только, почему они не убрали этого новоявленного президента «федералов», – хрипло и пьяно басил тот, что вышел из боковой аллеи первым. Их было двое, в плащ-накидках, с фонариками в руках. Тот самый ночной дозор, о котором его предупреждали в скуповатой инструкции, приложенной к схеме «Лазурного берега». – Им что, не понятно, что дальше терпеть какого-то там Елагина – самоубийственно?

– Это уж не нам решать, – недовольно проворчал его спутник.

– Кому же тогда?! Не нам, не им!.. Кто-то же должен. Он ведь всё погубит. Всё и всех! На корню.

– Почему же тогда и в самом деле не уберут его? – невозмутимо спросил тот, кто только что заявлял: «Не нам решать». – Спецназовцы, что ли, перевелись? Кто он такой, в конце концов?!

– Вот и я, парень, тоже спрашиваю: кто он такой? Откуда взялся? Нет, все-таки откуда он, мать его, свалился на нашу голову, нашу страну?!

Осветив ворота и убедившись, что они не распахнуты настежь, патрульные закурили. Мысленно – но лишь мысленно! – Курбанов тут же метнулся к ним, ударом ножа в спину снял одного, сабельным ударом в глотку нейтрализовал другого...

«Кретины, – пробормотал про себя. – Никакой подстраховки, никакой предосторожности!». Он отказывался понимать солдат, позволявших вести себя так, словно до сих пор не поняли, в каком жутком мире, в какое время им выпало жить.

– Здесь, в этом домике, сейчас кто-нибудь обитает? – спросил тот, кого Курбанов нарек «решительным».

– Кажется, нет.

– Неплохая была бы «фазендочка».

– Говорят, для генсеков строили.

– Каких еще генсеков?! – не понял Решительный.

– Ну, тех, из забугорья. Чтобы, в случае чего, было где отсиживаться.

– А что, решение правильное. Местечко прямо-таки убойное. Выставить дополнительную охрану – и никакая вражеская агентура их здесь не достанет.

Выждав, пока патруль уберется, Виктор еще несколько минут прислушивался к отдаляющимся голосам, затем неслышно приблизился к калитке и достал небольшую связку ключей. Один внутренний замок, второй... «А толку? Перемахнул через забор – и все прелести!»

Тщательно заперев потом оба замка, Курбанов осветил особняк. Два П-подобных этажа, мансарда, башенки с налетом псевдоготики. Что-то среднее между неудачно задуманным рыцарским замком и слишком «фортифицированной» дворянской усадьбой. Мощная дубовая дверь. Мощные решетки на окнах первого этажа, окна-бойницы на втором.

Обойдя свой «Курбанобург», майор остался доволен осмотром – особенно тем, что у особняка оказалось три выхода, – и углубился в свои владения.

Первое, что поразило Виктора, – никакой исторической архаики: современная мебель, современные ковры, два – по одному на этаж – японских телевизора. Ну, еще холодильники, телефоны, которыми ему вряд ли позволительно будет пользоваться; как и несколькими комнатами, ключей от которых у него не обнаружилось.

Полковник Буров не обманул: на столе Курбанова ждал конверт, в котором лежало столько денег, в долларах, сколько ему пришлось бы зарабатывать в течение года, и записка: «Майор Курбанов, Ваша комната – справа от холла. Там все, что необходимо для жизни. Запасы продовольствия в холодильнике – на неделю. В виде дополнительного пайка».

«Дополнительного? Значит, будет и основной?! Такая вилла меня устраивает, маз-зурка при свечах!».

«Отвечать только на звонки красного телефона, – продолжил он чтение записки, – который стоит в вашей комнате. Остальные Вас интересовать не должны. Телевизор, ванна и все прочее – в Вашем распоряжении. Окно комнаты всегда должно быть зашторенным. Входную дверь открывать только когда прозвучат три звонка, после которых последует три стука в окно Вашей “кельи”. Обратите внимание на подобранные для Вас книги, которые стоят на полке, висящей над Вашей кроватью. Настоятельно советуем изучить их (подчеркнуто) – самым внимательным образом. Приятного времяпрепровождения».

Подписи не последовало. Но почерк был откровенно женским. «Если и впредь мною будет заниматься женщина, – сладострастно подытожил Курбанов, – “времяпрепровождение” в самом деле может быть приятным, маз-зурка при свечах!»

Осмотрев богато обставленные комнаты, роскошную ванну и не менее роскошный спортзал с небольшим бассейном, камином и искусственными пальмами в кадках, Курбанов вернулся к себе в «келью» и, так и не воспользовавшись ни одним из обнаруженных символов «мелкобуржуазной роскоши», не раздеваясь, уснул в глубоком, пухово-мягком кресле. Однако проспал не более часа.

Проснувшись от какой-то неясной тревоги, словно задремавший на посту часовой, он прислушался к голосам за окном. Судя по всему, они принадлежали тем двоим патрульным, с которыми он чуть было ни столкнулся на аллейке. Однако теперь они его не интересовали, так или иначе утром ему предстояло выйти из добровольного подполья и явиться местному бомонду.

15

Главный идеолог партии в очередной раз успокоил Банникова и резким жестом усмирив полковника Булова, чтобы вновь обратить свой взор на генсек-президента. И не существовало слов, которыми он мог бы выразить все то, чем преисполнен был этот взгляд.

Однако первым все же заговорил член Политбюро Вальяжнин.

– Поймите, Владимир Андреевич, существуют ситуации, при которых варианты не предусмотрены. Сейчас мы в одном из таких исторических тупиков. Поскольку в этот роковой для страны час вы решительно отказались принимать на себя ответственность за ее судьбу, за вами – последний ход.

– ...И тоже роковой, – проворчал Дробин. – Так уж ложится ваша карта.

Еще несколько минут назад ему, руководителю аппарата Президента, казалось, что основной диалог с Русаковым состоится именно у него, как человека наиболее приближенного по службе. Исходя из этого, его и включали в состав «доросской группы». Но теперь Дробин явственно чувствовал, что инициатива постепенно переходит к Банникову и Вальяжнину.

– Ну, знаете ли, – по-дирижерски, обеими руками, принялся жестикулировать генсек-президент, – это еще надо посмотреть, как и для кого в судьбоносное время эта карта ляжет.

– Ваш гражданский и партийный долг, – в свою очередь, входил в охотничий раж Вальяжнин, – передать свои полномочия вице-президенту Ненашеву, как это, собственно, и предусмотрено Конституцией, и подать заявление об отставке... Мы считаем, что иного решения просто быть не может. И ничего другого от вас не требуется. Понятно, что без достойной должности вас не оставят.

– «Мы»?! Кто это «мы»?! – вновь завелся Русаков. – От чьего имени вы говорите? Кто принял решение о том, что я должен подать в отставку? Кто вообще, в принципе, имеет право решать подобные вопросы?! Для начала, назовите людей, которые уполномочили вас на эти переговоры и приняли решение о моей отставке.

Вальяжнин почему-то оглянулся на Банникова, но тот сидел с солдафонской непроницаемостью на лице, одинаково готовый и к тому, чтобы вновь наброситься на Президента с казарменным матом, и к тому, чтобы попросту подняться и уйти. Единственно, к чему он совершенно не был готов, так это к ответу на простой, словно потертая португеза взводного, вопрос: «Кто же все-таки это решил, – что Президент должен подать в отставку?», заданный вконец разболтавшимся, словно заумствующий новобранец, Русаковым.

– Я бы еще мог понять, если бы об этом со мной говорили Председатель Верховного Совета, министр обороны, председатель госбезопасности, – все увереннее парировал генсек-президент. – Кстати, где они? Почему не прилетели эти товарищи?

– Да какое это имеет значение, где они сейчас находятся?! – взревел Банников. – Мы-то здесь! И от чьего имени, по вашему мнению, мы говорим?! От своего, что ли?! Конечно, от своего – тоже, но надо же понимать...

– Его, видите ли, наш ранг не устраивает, – глухо возмутился Вальяжнин. – Кстати, хочу напомнить вам, господин Русаков, – употребил он это свое «господин», словно перчатку в лицо швырнул, – что перед вами – член Политбюро.

– Мне же почему-то кажется, что передо мной – очередной экземпляр кадровой недо-работки, – решил Русаков, что терять ему больше нечего и что самое время, в свою очередь, напомнить всем присутствующим «кто есть ху». – Причем самый убедительный ее пример.

– Не думайте, что я оскорблюсь и уйду, не добившись своего, – огрызнулся Вальяжнин. – Подпишите вы в конце концов указ о введении чрезвычайного положения?!

– Да что вы его уговариваете?! – воинственно сжимал кулаки Банников, готовый по стенке размазать эту продающуюся империалистам гражданскую мразь. – Мы что, без его указа не обойдемся, что ли? Пусть пока этот трус посидит на своей даче, – решительно поднялся он, чтобы отойти к окну. – Придет время, и мы с ним разберемся, как положено, со всей революционной строгостью.

– Если вы так и дальше будете относиться к данному вопросу, – постарался как можно спокойнее вразумить их Русаков, – вы погубите не только себя, но и все наше дело. Это же не шутки, это, знаете ли, чревато... Действия, которые вы предлагаете мне поддержать – чистой воды авантюризм. Не возражаю, чрезвычайное положение действительно назрело. Но решать все эти вопросы нужно было на съезде партии. И если вы не согласны с моим мнением, давайте пойдем на созыв внеочередного съезда...

– Нет, по-моему, он так и не понял, что происходит в стране и почему мы здесь, – поднялся вслед за Банниковым «отпетый идеолог».

– А ему одинаково, – апеллировал к нему Дробин. – Это же манера нашего Президента: он заговорит любой самый ясный вопрос.

– В последний раз спрашиваю, – совершенно не собирался деликатничать и церемониться с генсек-президентом генерал Банников. – Ты подписываешь указ?

– Не подписываю. И от слова своего не отступлюсь.

– Тогда, как уже было сказано, сейчас же пиши заявление об отставке и убирайся к... матери!

– Генерал, генерал! – на сей раз, не выдержал уже Цеханов. Возможно, из чувства своего традиционного превосходства над армейским генералитетом, воспитанным в «лучших традициях» советского казарменного хамства. Что ни говори, а кое-каким манерам офицеров кагэбэ все же обучали. Постоянная работа с интеллигенцией, видите ли, обязывала.

– Все! – поднялся Президент, неуверенно хлопнув ладонью по столу. – Что бы вы здесь ни говорили, я ничего подписывать не стану. И на этом давайте закончим наш разговор.

Первым, метнув на генсек-президента преисполненный ненависти взгляд, оставил кабинет главком Сухопутных войск. У двери он попытался толкнуть плечом «верного пса», полковника Бурова, но тот инстинктивно ушел от удара и мстительно, победно ухмыльнулся. Вслед за главкомом, пытаясь одновременно протиснуться в дверь, вышли генералы госбезопасности.

– Этого отсюда немедленно убрать, – обронил Цеханов генералу Ротмистрову, проходя мимо полковника.

– Не ожидал, – хрипло проворчал Вальяжнин, набыченно глядя себе под ноги, – что он так ничего и не поймет; что он попытается нас вот так, вот...

– А чего от «такого...» еще можно было ожидать? – окончательно сжигал свои служебные мосты руководитель аппарата Президента, понимая, что быстрее всех и самым жестоким образом эти неудавшиеся переговоры отразятся именно на его судьбе. К тому же как

руководитель аппарата главы государства, он явно не оправдал надежд «доросской группы», хотя не далее как два часа назад самонадеянно заверял кое-кого из «доросцев», что обладает достаточным влиянием на Русакова, чтобы в течение пяти минут склонить его к подписанию «чрезвычайки».

16

Решив, что он достаточно бодр, чтобы продолжить исследование свое убежища, Курбанов не стал, как прежде, восхищаться коврами, подсвечниками и репродукциями с картин древних мастеров, а сразу же отыскал ход, ведущий в подвал. Дверь была заперта, но довольно скоро среди ключей своей связки майор обнаружил ключ и от этой двери.

Подвальное помещение оказалось просторной, прилично обставленной жилой комнатой, хотя стальная дверь, воздушные фильтры и развешенные по стенам противопожарные явные свидетели о том, что задумывалась-то она как бомбоубежище. Правда, вполне респектабельное: с санузлом, ванной и даже небольшим рабочим кабинетом.

Однако майора больше интересовало не то, из какого дерева изготовлен массивный письменный стол в кабинете-бункере, а что находится там, за массивным сейфом, который по размерам своим вполне мог сойти за уводящую куда-то дверь. Поддавшись совершенно несправдательному любопытству, Виктор попытался проверить свою версию, но из этого ничего не вышло. Ни ключом от сейфа, ни секретом тайной двери он, увы, не располагал.

«Ладно, – сказал себе майор, – оставим эту маленькую тайну виллы “Лазурный берег” на потом. У тебя еще будет время разобраться с ней. Если только есть смысл основательно втравливать себя во все, что связано с этим комфортабельным логовом».

Едва он поднялся в свои апартаменты, как ожил красный телефон, трубку которого ему предписано было поднимать в обязательном порядке.

– Значит, ты все же в «Лазурном», – узнал он голос Бурова, решившего, что уже достаточно поздно, чтобы разговор с подчиненным начинать с «доброего вечера», и достаточно рано, чтобы удостаивать его «добрым утром».

– Как приказано, товарищ полковник.

– Почему появился только сегодня?

– Теперь уже вчера, – взглянул майор на часы.

– Точно вчера? – Буров никак не мог отучить себя от наивно-детской привычки поучительски проверять своих подчиненных на вшивость такими вот примитивными уточнениями и переспросами.

– Если учесть, что уже перевалило за полночь.

– Хорошо хоть появился, а то ведь охранники тебя почему-то не зафиксировали, я справлялся у начальника.

– Стоит ли отнимать время у его «обалдуйчиков»? – вспомнил Курбанов Леху-извозчика.

– Ну-ну... Ведут они себя мирно, на мозоли пока что не наступают, – примирительно остепенил его Буров. – Как там, на новом месте?

– Вилла «Лазурный берег» – этим все сказано.

– Я всегда был против того, чтобы мои барбосы показывались где-нибудь на побережье Кавказа или Крыма, да еще и нежились в подобных условиях. Стоит вам хоть немного пошиковать таким образом, и черта с два загонишь вас потом в пески-болота... Но, с другой стороны...

– ...До полного одичания доводить тоже не стоит, – истолковал его мысль Курбанов. – Будем считать это курсами на выживание в аристократических условиях Запада, или что-то в этом роде.

Полковник недовольно побряхтел, однако спорить не стал.

– «Вилла», говоришь? А что, может сойти. Так и назовем: «Вилла “Лазурный берег”».

«Наверняка продал ему название операции», – решил Курбанов. Он знал пристрастие полковника – превращать в «операцию» любое, даже самое банальное, поручение, причем давать ей при этом эффектное название. Но не осмеивал его страсть, наоборот, пытался делать то же самое, на личном опыте убеждаясь, что, придав любому своему действию форму операции – с названием, четко определенной целью и планом ее достижения, – заставляешь себя мобилизоваться, хоть на какое-то время отрешиться от всего постороннего.

– Тебе там подобрали кое-какую литературу. Для общего, так сказать, развития. Ты ее как можно внимательнее...

– Какую еще литературу? – непонимающе поморщил лоб Курбанов. Ах, да... Черт возьми, он совершенно забыл, что в записке, составленной тем самым женским бисерком, говорится еще и о каких-то подобранных для него книжках. – Обязательно перечитаю. Кстати, кто меня здесь опекает?

Полковник недовольно прокашлялся. Он, конечно, был уверен, что ни одной из соперничавших «контор» телефон этот не прослушивается, тем не менее пытался сохранять профессиональную осторожность.

– Мы, мистер Мешхеди, мы, – проговорил Буров с явным кавказским акцентом, подражая Сталину. – Пока что только мы, если это важно для вас, господин Мешхеди.

– Я не это имел в виду.

– А что же? – слегка встревожился полковник.

– Записка... Женским почерком.

– А... – разочарованно протянул Буров. – Есть там одна. Появится, со временем. Советую вести себя с этой красавицей как можно аккуратнее, другими словами – интеллигентно и нежно. Но, в общем-то, в данной ситуации легкий флирт не возбраняется.

Курбанов хотел поинтересоваться еще и брюнеткой из электрички, но подумал, что уж это Бурову в самом деле может не понравиться. Причем без вариантов – и в том случае, когда окажется, что брюнетку пустил по его следу он сам; и в том, когда выяснится, что он понятия не имеет, о ком речь. Но тогда может насторожиться, решив, что его «агент в консервации» провален, и потребует от него срочно сменить крымский «Лазурный берег» на одну из банальных конспиративных квартир где-нибудь в спальном районе Москвы или Подмосковья.

В последние годы военная разведка буквально состязалась с Управлением внешней разведки госбезопасности за получение из фонда Моссовета все новых и новых явочных квартир. Вся эта история всплыла после того, как в одной из таких кагэбистских конспиративок, принадлежащих, кажется, группе «Дельта», был учинен пьяный дебош. После него-то и выяснилось, что на самом деле конспиративка давно используется чинами кагэбистского спецназа, как подпольный ведомственный бордель. Конечно, у Курбанова были все основания считать, что огромную «помощь» в раздувании конфуза оказали своим коллегам-кагэбистам их извечные соперники – парни из «Аквариума», в отместку за подобные же «услуги». Однако существа дела это не меняло⁵.

– Разрешите уточнить: появиться должна только одна эта женщина?

– Не бойсь, мало тебе не покажется, – скабречно прогоготал полковник. – Однако хватит об этом, – вдруг всполошился он, очевидно, как и Курбанов, вспомнив, что самой пикантной деталью скандала с кагэбистскими конспиративками стало использование в них, наряду

⁵ В 1970-е годы структурами КГБ были созданы антитеррористические боевые группы, каждая численностью до 300 человек. Наиболее известной из них являлась «Альфа», члены которой были задействованы в военной провокации в Вильнюсе, а затем во время путча в Москве. Но кроме нее существовали еще – группа «Дельта», та самая, что принимала участие в перевороте в Афганистане, во время которого был убит президент страны Амин; группа «Гамма» и другие.

с девицами из самого спецназа – что им легко простилось бы – профессиональных валютных проституток, проходящих по досье, как завербованные кагэбистами «агенты-информаторы». Отзвуки этого скандала докатились тогда до самых высоких кабинетов. – Как там обстановка вокруг тебя?

– Пока все чисто.

– Это главное. И еще, учти: на «суверенных» территориях мы со своими коллегами из других контор начинаем работать сообща, во всяком случае, кое-какие виды на это уже имеются. Особенно в том деле, в котором ты непосредственно будешь задействован. Тем более что находишься ты уже, по существу, в дружественной нам, россиянам, стране. Словом, попроси без «стриптиза».

– Это... понятно.

– Крым, август... Завидую.

– Хотя ничего, кроме стен своего обиталища, я пока что не видел!

– Не оправдывайся. Какой там, говоришь, у тебя «берег»?

– «Лазурный».

– Везет же, черт возьми! – на мечтательной ноте завершил их разговор полковник. – «Лазурный берег» им подавай. Скоро будет вам, фантазерам-поминальникам, и Крым, и Сочи... где-нибудь в юго-восточных джунглях!

Положив трубку, Курбанов вернулся на кухню и, достав из бара бутылку вина, решил отметить сразу две приятные новости. Во-первых, у него хватило ума не вспугнуть полковника излишними подозрениями и зарезервировать виллу за собой по крайней мере недели на две. Вторая, еще более утешающая, – на операции, в которой он задействован, сходятся интересы Главного разведуправления Генштаба армии и Первого главного управления КГБ. Это вселяло кое-какую уверенность, особенно, учитывая, что характер задания все еще остается неясным.

Виктор прекрасно знал, как «неуютно» было работать в собственной стране парням из армейской разведки, если приходилось наступать на хвост внешней разведке Госбезопасности. Милицейские спецназовцы, да и вообще чины из МВД, давно проверили это на себе, когда пытались проникнуть в те сферы, проникать в которые им не положено. То у них вдруг начинали исчезать портфели со сверхсекретными документами; то наиболее дотошные следователи попадали под колеса электричек; а еще у милицейских генералов неожиданно обнаруживались сейфы, набитые валютой, и подвалы, набитые конфискованным у всевозможных деляг тряпьем...

«Вот видишь, как разлагающе действует на тебя сама атмосфера крымской виллы; возможность хоть немного пожить с апломбом. Вот тебе и тест на “выживание в роскоши”. Оказывается, пройти его не легче, нежели стажировку на выживание где-нибудь в сибирских лесах или в болотах дельты Меконга».

17

Поначалу Вежинов как будто бы направился к двери вместе с остальными. Но это был лишь хитрый маневр. Благо разумно выждав, пока соратники по партии оставят кабинет, он прикрыл за ними дверь и вернулся к Русакову.

– Так как же все это понимать, Владимир Андреевич?

– Что именно? – снисходительно ухмыляясь, поинтересовался генсек-президент.

– Теперь мы одни, поэтому можем поговорить спокойно и откровенно. – Задержавшегося у двери полковника Бурова «отпетый идеолог» в расчет, очевидно, не принимал.

Президент переложил с места на место лежавшую на столе стопку аккуратно сложенных бумажек и, слегка приподняв глаза, посмотрел на дверь и на все еще стоявшего возле нее, как дворцовый гвардеец у королевской спальни, полковника.

Начальник охраны намек понял и тотчас же вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

«Уже одним присутствием на этом сборище ты свое имя увековечил», – вдруг сказал себе полковник, возможно, впервые в жизни по-настоящему задумавшись над тем, что ведь сама судьба подталкивает его к решительным действиям. Как в свое время, в такие же часы смуты державной, подталкивала к этому безвестного офицера-артиллериста Бонапарта.

При зачислении в охрану резиденции главы государства Бурову жестко указали на то, что он должен оставаться невидимым, но вездесущим, ответственным не только за жизнь Президента, но и за судьбу страны, до гробовой доски обрекая себя при этом на безымянность. А еще намекнули, что офицера президентской охраны, который решится на какие-либо мемуары, зарывают в землю вместе с его мемуарами, как правило, ненаписанными. Однако армейских генералов и партийный бонз подобные запреты не касались, поэтому кто-то из них обязательно разродится своими воспоминаниями. И тут уж от него, Бурова, зависит, каким он сможет предстать перед потомками.

– Но у вас же есть под рукой вице-президент страны, – едва слышно, и как бы между прочим, проговорил Русаков, убедившись, что теперь они с Вежиновым в самом деле остались один на один. – Очень уместно кто-то из вас упоминал здесь о Ненашеве.

– Да это же!.. Кто такой Ненашев? Кто его всерьез воспримет в такое время?

– Не будем сейчас о его личных качествах, – предостерегающе поднял руку Русаков. – Это вопрос не сегодняшней повестки. Но формально я пока еще в отпуске. Что вам мешает решать кое-какие вопросы с ним?

Вежинов поначалу онемел от удивления, а затем подозрительно как-то взглянул на Президента. Ему не верилось, что Русаков так вот, просто, а главное, очень быстро, мог сломаться. Причем сломаться именно тогда, когда «группа товарищей», по существу, смирилась со своим поражением. Немудрено, что в его совете опытный аппаратчик усмотрел некий подвох, смысла которого разгадать пока что не сумел.

– То есть вы как бы согласны передать на время свои президентские полномочия вице-президенту Ненашеву?

– «Вот именно: как бы...» Все равно с этого поста его следует убирать.

– О чем я не раз говорил на заседаниях Политбюро, хотя меня почему-то не поддерживали.

– Возможно, потому, что у вас было много желания при полном отсутствии оснований. А после нынешних событий у вас появятся очень веские основания для этого кадрового вопроса, – криво улыбнулся генсек-президент.

Услышав его слова, Вежинов на несколько мгновений запрокинул голову и закрыл глаза. Президент не только давал согласие на сотрудничество с инициативной группой «чрезвычайщиков», но и подсказывал, как узаконить самые крутые меры по наведению порядка в стране. Так что еще нужно Корягину и Лукашову, чтобы действовать теперь быстро и решительно?

– По поводу Ненашева – это вы, товарищ Президент, решили правильно, а главное, в рамках Конституции. Но возникает один момент: вам следует письменно подтвердить эту самую передачу полномочий вице-президенту страны, что сняло бы массу ненужных вопросов. И в союзных республиках, и в прессе.

– У меня создается впечатление, – все так же, сквозь полусжатые зубы, проговорил генсек-президент, – что вы, Игорь Семенович, так ничего и не поняли.

– ...Кроме того, что письменного согласия на передачу полномочий вы не дадите.

Взгляды их на какое-то мгновение встретились и тут же разошлись.

– Да, если честно, не хотелось бы опираться на этого вице-пьяницу, – проворчал «отпетый идеолог».

– Но и ЦК, – тем более, так вот, открыто, – тоже не следует брать на себя ответственность за все то, что может произойти во время «чрезвычайки». А произойти может всякое. И руководство партии должно стоять как бы в стороне, пусть этим занимаются силовики, с которыми всегда можно разобраться и с которых можно спросить. Это я вам уже говорю как генсек.

– Но вы же слышали. Силовики сами не решатся. Каждый из них желает прикрыть свою задницу чьим-то приказом.

– Вот и пусть прикрывают... мудрыми указаниями вице-президента.

– В крайнем случае можно будет списать на то, что Ненашев в очередной раз оказался в нетрезвом состоянии, – заговорщицки осклабился «отпетый идеолог».

«...Просто с самого начала разговор следовало вести только мне, чтобы тет-а-тет! – истолковал он причину неудачного наскока “группы товарищей”. – Понятно же, что при таком табу, в присутствии сразу четверых военных, подобные вопросы не решаются!»

– Только не позволяйте ему войти в роль по-настоящему, – вдруг забеспокоился генсек-президент. – Иначе многие воспримут его, как полноправного руководителя страны, что, знаете ли, чревато... Мы же с вами должны предвидеть и такие командно-политические последствия.

Идеолог согласно кивнул и тотчас же заторопился к выходу. Русаков инстинктивно подался вслед за ним, но, увидев в коридоре Веденина, закрыл перед собой дверь.

Уже в коридоре генералы вопросительно посмотрели на Вежинова, но «отпетый идеолог» едва заметно пожал плечами, давая понять, что опять все безрезультатно. Он попросту не доверял им, решив, что дословно передаст свой разговор с Русаковым только в беседе с шефом госбезопасности.

– Что ж, будем считать, что операция «Киммерийский закат» провалилась, – пробубнил себе под нос Цеханов. – Хотя начиналась она обстоятельно и почти красиво.

– Почему «киммерийский»? – в том же тоне поинтересовался Ротмистров.

– Крым когда-то так назывался – «Киммерией»⁶, читал я тут недавно. Хорошее название для операции.

– «Киммерийский закат»? А что, действительно... Что же касается поведения Президента, то пока что не следует отчаиваться. Еще не вечер, даже для «киммерийского заката».

18

Проснувшись с восходом солнца, Курбанов обнаружил, что безмятежно проспал ночь, сидя на полу и положив голову на сиденье кресла. После телефонного разговора с Буровым он еще какое-то время сидел у журнального столика, осмысливая события последних дней, да так и уснул, а затем, уже сонный, сполз на пол. Попасть в такую роскошь, стать обладателем настоящей виллы и при этом провести ночь на полу – в этом что-то было.

Поднявшись на второй этаж, Виктор внимательно осмотрел окрестности. Охваченные дымкой деревья, аккуратные, застекленные вышки, на которых боролись с утренней дремой прозевавшие его вчера охранники; космическая синева пруда... Солнце зарождалось из болотной серости холмистого леса, и восходило таким же кроваво-багровым, холодным и безразличным ко всему происходящему в этом мире, каким, наверное, бесчисленное множество раз восходило над лагерными комплексами Мордовии и Колымы.

⁶ Киммерия – одно из предполагаемых древних наименований Крыма. Назван был так полуостров по названию воинственного племени киммерийцев, обитавших не только на нем, но и во всей степной части нынешней Украины.

Курбанов вспомнил байку Лехи о мужичке с завода, многотысячный коллектив которого трудился над изготовлением более двухсот тысяч наручников, и мрачно ухмыльнулся. Нет, в правдивости этой молвы он не сомневался, поскольку из агентурной сводки, с которой ему позволил ознакомиться полковник Буров, знал: в партийных типографиях уже заготовлены целые тюки листовок с призывами проявлять особую бдительность в отношении буржуазных агентов; а также кипы бланков протоколов обысков и допросов.

Сотни тысяч людей – депутатов, демократов-активистов, журналистов – уже были занесены в списки на аресты, депортацию, высылку в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока; все инакомыслящие, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности за антисоветскую пропаганду, занесены были в списки «врагов народа», хотя и не подозревали, что, по существу, они уже – «лагерная пыль». Понадобится два-три дня, максимум неделя, полного контроля коммунистов и КГБ над страной, чтобы в Мордовию, Пермь и еще дальше, в Сибирь, потащились эшелоны, битком набитые «политическими».

Но в отличие от Лехи майор Курбанов не спешил презирать и ненавидеть коммунистов. Он понимал: огромную страну, эту лоскутную империю, надо было каким-то образом сохранить. А сохранить ее можно было, разве что наведя железный порядок, на что способны были только коммунисты, с их «передовым отрядом партии» – кагэбэ. При поддержке, ясное дело, армии.

Как человек военный, он конечно же надеялся, что когда-нибудь в этой стране действительно наведут порядок. Но с такой же страстью желал, чтобы при этом обошлось без очередного «кремлевского мечтателя», а тем более – без излишнего выпендрежа кагэбистов. «Вот только без “выпендрежа кагэбистов” ни порядок в этой стране, ни сама эта страна – невозможны!» – мрачно заключил Виктор, решив, однако, что предаваться мрачным мыслям, пребывая в таких апартаментах, – в сути своей преступно. Уже хотя бы по отношению к себе.

Выполняя спецзадания за рубежом, ему приходилось сутками лежать в болотах, кормя комаров, мошку и прочую тварь; ютиться в каких-то зловонных подвалах и пристройках; с минуты на минуту ожидая удара ножом в спину, выступать в роли провокатора на собраниях оппозиции...

Он, майор Курбанов, слишком много рисковал собой ради престижа этой империи, чтобы так просто взять и отречься от нее. Но в то же время он действительно слишком много рисковал собой, чтобы впредь оставаться до конца преданным ей. Что-то следовало менять в этом застойнике, что-то нужно было основательно менять. Но в любом случае он имел право хотя бы эти две недели пожить комфортно, по-человечески.

Вскрыв пакет, Курбанов обнаружил довольно внушительную, – по представлениям человека, всю жизнь прожившего на скромную зарплату советского офицера, – сумму денег, пистолет, очевидно, нигде не засвеченный, и три обоймы патронов.

«На этом этапе все ясно: деньги, пистолет, патроны. Орудие труда профессионала и достойная этого профессионала плата. Роптать не на кого и не на что. Вопрос: что дальше? Каким образом придется окупать расходы?»

Как бы там ни было, у него появилось несколько дней, которые он мог провести с широтой бездельничающего аристократа. Приняв душ, он затем улегся в ванну и с полчаса блаженственно отдыхал: пофыркивая, отмокая, словно надеялся отмыться от всего того, от чего на самом деле отмыться уже не дано.

«Стиль жизни – “блаженствующий аристократ”, маз-зурка при свечах! И что важно – моим убеждениям это никогда не претило».

Если завтрак и нельзя было назвать королевским, то лишь потому, что не хватало слуг в ливреях; и что первых, вторых и последующих блюд не подавали, а бутерброды и прочие холостяцкие эрзацы приходилось сотворять самому. Зато в двух больших холодильниках

всего хватало. Те, кто устраивал ему этот курорт, позаботились основательно. Другое дело, надолго ли должно было хватить их щедрот. Неужели действительно на две недели?

Виктор имел все основания опасаться, что покончит с продовольственными запасами в течение ближайших двух дней. Что тогда? Даст бог день – даст и пищу? Тем не менее... Хотел бы он знать, кто расщедрился на весь этот провиант. Кто оплачивает этот его «Лазурный берег» в нескольких километрах от Приморска? Не Главное управление разведки, конечно же. И не демократы. Но тогда остается партия, с её финансовым и кадровым могуществом. Уж не Истомин ли со своими парнями? Эти способны устроить «канары» и «багамы» даже в ста километрах севернее Воркуты.

Плотно позавтракав, майор позволил себе еще полстакана «Кагора» и, старательно убрав после себя, заглянул в платяной шкаф. «Ну-ка, что тут у нас? Ага, синий клубный пиджак в паре с белыми брюками. Презентабельно! Белые джинсы, подпоясанные модным, с бесчисленным множеством наклеек, ремнем; адидасовский спортивный костюм, к которому... оказалась прикрепленной записка. «Все это поступает в Вашу личную собственность, сир, – уведомил его уже знакомый женский бисер. – Подчеркиваю: в личную! Как и халат, что в ванной».

«А ведь сумела предположить, что не решусь облачиться в него, считая, что у халата уже имеется хозяин, – похвалил неизвестную наставницу майор. – Наверняка знает, что имеет дело с рейнджером, который, скитаясь по средним и дальним Азиям, успел основательно одичать, – вспомнил Курбанов, что весь завтрак свой провел, сидя за столом в одних только трусах. – Интересно, явится ли мне эта фея в реальной жизни или так и останется в моих снах, грезах и в таких вот записках?»

В фантазиях его вдруг возродилась брюнетка из электрички. Как было бы прекрасно, если бы этой самой феей оказалась она! Но это уж слишком. Даже для сказки о везучем рейнджере.

19

– Товарищ Веденин, – неожиданно возник в дверях генсек-президент, будучи уверенным, что помощник где-то здесь, рядом, в коридоре. – Немедленно свяжите меня с Лукашовым и Корягиным.

– Вам пока лучше побыть здесь, в своем кабинете, господин Президент, – внушительно проговорил генерал госбезопасности Цеханов, преграждая ему путь. И Русаков заметил, что кагэбешник употребил это, с трудом приживающееся в стране, обращение «господин». – Хотя бы какое-то время.

Пока приехавшие с Цехановым офицеры занимались выведением из строя президентской спецсвязи, сам генерал зашел в подвальную, бункерную комнатку, в коей маялся от безделья полковник госбезопасности. Тот самый, что отвечал за особый «ядерный кейс» Президента, в котором находилась специальная аппаратура по постановке на боевой взвод всего имеющегося в стране ядерного оружия. Здесь же хранилась и строго засекреченная программа шифровальных команд, которые – по воле Президента и Верховного главнокомандующего Вооруженными силами, только по его воле, – могли поступать на командные пункты ракетных частей стратегического назначения и находящихся на боевом дежурстве ядерных подводных лодок.

Увидев генерала и еще двух неизвестных ему офицеров, полковник конвульсивно ухватился за ручку президентского кейса, но, парализовав его презрительно-убийственным взглядом, генерал госбезопасности перехватил чемоданчик за кончик ручки и внушающе проговорил:

– Отдай... его, майор.

– Кто вы и по какому праву? Где охрана?

– Здесь она вся, капитан, здесь, – объяснил ему генерал-лейтенант, еще раз понизив хранителя «ядерного кейса» в звании.

Полковник госбезопасности обязан был погибнуть, но не отдать этот злосчастный чемоданчик никому, кроме Президента. Инструкция, по которой он должен был действовать, не допускала здесь никаких излишних толкований: защищать всеми доступными средствами и до последней возможности. Погибнуть, но не отдать!

Однако погибать ни за кейс, ни за самого Президента полковник госбезопасности Зырянов не желал. Тем более что кейс изымал у него сам начальник Управления охраны КГБ.

– А теперь свободен, сержант! – рявкнул Цеханов, вырывая наконец из рук полковника кейс. И полковник вздрогнул так, словно вместе с чемоданчиком рванули погоны с его плеч. – Тебе сказано: «свободен», ефрейтор!

– Так что будем делать? – спросил Дробин, остановившись вместе с «отпетым идеологом» и Вальяжниным у машин, которые их ожидали.

– В Москву летим, докладывать, – ответил Вальяжнин. – Что мы еще способны делать?

– Но ведь ни черта же не добились. Спрашивается: какого черта летали?! А в Москве надеются, ждут...

– Уверен, что ничего иного они и не ждали.

Дробин непонимающе уставился на первого заместителя председателя Госкомитета по обороне. В общем-то, подобный исход переговоров тоже наверняка предусматривался, однако сообщил о нем Вальяжнин как-то слишком уж неуверенно, во всяком случае, Дробин ему не поверил.

Оба взглянули на Вежинова, как на третейского судью.

– Если по сути, то он, – кивнул тот в сторону виллы генсек-президента, – в принципе «за».

– То есть как это – «за»? – уставился на него Вальяжнин.

– Самим Президентом сказано было: «Принципиально я – “за”». Вопрос разве что в каких-то там формальностях.

– Как же он «за», если отказался подписать указ о введении чрезвычайного положения?! Какое ж это «за»?!

– Вопрос не столько в формальности, сколько в тонкости политики, – процедил Вежинов, отворачиваясь, и тем самым как бы давая понять: «я этого не говорил, вы – не слышали».

Он и в самом деле пока что не собирался раскрывать всех подробностей своих переговоров с Президентом, понимая, что в таком случае его секретная договоренность с первым лицом государства окажется «задешево проданной». Поэтому твердо решил: откровенничать станет только с председателем Комитета госбезопасности. Потому что только Корягин способен сейчас хоть как-то контролировать ситуацию в стране, только он еще пользуется реальной властью и достаточным авторитетом.

К тому же «отпетый идеолог» в самом деле намерен был продать Старому Чекисту эти договоренности в обмен на поддержку своей персоны при выдвижении на пост генсека, а со временем, возможно, и Президента. Да, и Президента страны – тоже. Причем Корягин ему в этом не конкурент, поскольку прийти, после Андропова, к власти еще одному шефу госбезопасности «дерьмократы» уже не позволят. Впрочем, Корягин и сам, очевидно, понимал, что времена «андроповщины» канули в Лету.

– Но ведь без его подписи мы с вами ни черта не стоим, – все больше впадал в полуистерический транс Вальяжнин. – Все наши усилия – коту под хвост. Мировая пресса поднимет вой: «Где Президент? Куда девали “прораба перестройки”? В России – путч! К власти пришла хунта!» Ведь ясно же, что генерал Пиночет измозолил миру глаза на сто лет наперед. А тут еще этот солдафон Банников в камеры телевизионные лезть начнет.

– Все-таки придется вытаскивать на свет божий Ненашева, – недовольно пророчествовал Дробин. Неприязнь руководителя президентского аппарата к вице-президенту была общеизвестной. К тому же она поражала своей незавуалированной патологичностью. – А не хоте-лось бы мараться о него, господа-товарищи, не хотелось бы.

– Конечно, не хотелось бы. Но покажи мне, кому хочется! – хмыкнул Вежинов. – Однако же начинать такие дела нужно под прикрытием пристойности. – Как там у вас? – спросил он появившегося вблизи генерала Цеханова.

– Все, что можно было изъять, изъяли и вывели из строя.

– Значит, он вообще останется без связи?

– Почему же? – уклончиво ответил генерал. – Нужно будет – свяжемся. Здесь у него несколько дублирующих систем. Но, в общем-то, будем держать под контролем. – Он заметил маячившего чуть в сторонке, у входа в резиденцию генсек-президента, полковника Бурова, и вновь обратился к генералу Ротмистрову: – Свяжись-ка ты с этой его «конторой» и скажи, чтобы Бурова немедленно убрали отсюда. Причем доступно так объясни, почему это важно. Мы в их дела не суемся, так пусть они не суются в наши.

– Они-то убеждены, что еще как суемся.

– Это их проблемы. Нам по службе соваться положено, на то мы и госбезопасность.

– ...Но зачем нужно было снимать связь? Чтобы пресса на весь мир раструбила, что мы лишили Президента связи с Кремлем, с армией и всей страной? – болезненно поморщился Вальяжнин. – А, следовательно, взяли Президента под домашний арест.

– И лишили, и взяли! Пусть трубят, – резко ответил генерал госбезопасности, не скрывая, что Вальяжнин уже надоел ему своим канцелярским чистоплюйством. Он-то понимал, что, в случае чего, эти чистоплюйчики потом все начнут валить на кагэбистов. – Хватит, долиберальничались!

Услышав их спор, подошел доселе державшийся несколько в стороне Банников. Главком более других был недоволен исходом этой беседы. До ярости, до белого каления – недоволен. Поручили бы встречу с Президентом только ему, он бы захватил пару бульдогов-десантников и нашел способ заставить Русакова подписать даже то, чего от него и не требовалось бы подписывать.

– Какого хрена еще ждем? – мрачно поинтересовался он у «высокого собрания». – Пора к самолету – и в Москву. Жарища тут, как в аду.

– Сейчас уезжаем; как только подойдет Ротмистров, – объяснил Цеханов.

– Он что, все еще у него? – Банникову даже не хотелось употреблять слово «президент».

– Доктора обрабатывает. Поскольку этот козел подписывать указ отказался, придется как-то объяснить народу, почему «чрезвычайка» введена была без генсек-президента; где он сейчас и что с ним.

– Ну и?.. – напрягся Вальяжнин.

– Что «ну и»? – раздраженно парировал Цеханов. – Понадобится медицинское заключение. Президент, дескать, серьезно болен, и все такое...

– Вот именно: «серьезно болен»! – цинично улыбнулся Дробин. – Причем давно и безнадежно. До полной невменяемости.

– А поскольку Президент болен, то, согласно Конституции, обязанности его принимает на себя вице-президент, хотя на самом деле вся реальная полнота власти переходит к?.. – Цеханов замаялся и посмотрел на Вежинова. – Кстати, к кому она в действительности переходит?

– Понятно, к кому, – поспешил угомонить кагэбешника претендент на престол, подумывая, что генерал имеет в виду именно его персону. И был удивлен, когда тот подло промурлыкал:

– То есть к некоему коллективному органу новой власти. Скажем, к уже формируемому нами Государственному Комитету по чрезвычайному положению – так ведь? Надо только подумать о его председателе.

20

– Что вас в конце концов смущает? – наезжал тем временем на личного врача генсек-президента генерал Ротмистров. – Вам ведь все сказано: ответственность берем на себя.

– Но я не могу, не имею морального права составлять заведомо ложный документ, с заведомо ложными медицинскими показаниями.

– Можно подумать, что это первый в вашей жизни документ, «с заведомо ложными медицинскими показаниями», который вы составляете? – въедливо нависал генерал госбезопасности над поникшим доктором, беззащитно съежившимся за своим письменным столом. – Хотите убедить меня, что до сих пор не приходилось? Так, может, поднять старые «медицинские дела» и хорошенько проверить?

– Но тут, знаете ли, речь идет о Президенте, – нервно протирал большими пальцами стекла очков профессор Григорьев.

– Шла бы речь не о Президенте, кто бы стал обращаться к вам?! Обратились бы к нормальному врачу, – уже откровенно издевался кагэбист. – Но в том то и дело, что, по дикой случайности, личным доктором генсек-президента оказались именно вы, про-фес-сор.

– Все не так просто. Мое заключение должно быть опубликовано в прессе, – старался не проявлять излишней гордыни доктор. Он понимал, что люди, которых представлял этот пешечный генерал, зашли слишком далеко и терять им уже нечего. – Его перепечатают сотни изданий мира. Когда речь идет о здоровье, а тем более, о недееспособности Президента великой ядерной страны – то вы же понимаете... И потом, вы должны знать, что подобное заключение составляет не лечащий врач, а государственная медицинская комиссия, состоящая из видных светил.

– Но ведь он пока еще не умер. Если я не ошибаюсь.

Испуганно взглянув на него, профессор чуть не уронил на пол очки и суеверно постукал костяшками пальцев по столу.

– Что значит: «пока еще»?! – принялся он доставать из ящика стола какие-то таблетки.

– Мы ведь говорим только о том, что Президент всего лишь приболел, а не о том, что он смертельно болен.

– Но даже в таких случаях многие известные медики из-за рубежа, целые институты и клиники начинают предлагать свою помощь.

– И пусть предлагают. А лечить Президента будем мы с вами, все равно ведь лучшая в мире медицина – у нас в стране, а не где-то там...

– Ага, поскольку бесплатная, – позволил себе бородатую, еще студенческую, шутку профессор Григорьев.

– Зачем вы берете в голову то, чего лично вам брать непозволительно? – почти по слогам, внушающе, проговорил кагэбешник. – Я ведь русским языком объясняю: от вас требуется только заключение. Причем составить его следует как-то так, деликатно и в то же время – постороже, чтобы все написанное вами выглядело, – повертел он растопыренными пальцами у виска профессора, – научнообразно.

– Да не могу я этого делать! – нервно парировал доктор, и Ротмистров заметил, как неумно задрожали его руки. – Это ж надо так сформулировать: «как-то деликатно, и в то же время – постороже!» И это – при составлении диагноза! Чепуха какая-то.

«Как нас “лечить”, так они все мастаки, – подумал генерал, с насмешкой концентрируя взгляд именно на руках профессора. – Себя бы полечили, бездари. Вся нервная система вразнос пошла – а он тут светило из себя строит...»

– Еще как можете, доктор! Уж поверьте на слово старому служаке госбезопасности.

– И все же... Не могу и не имею права, – сумел сладить со своей физической дрожью доктор, не дрогнув при этом нравственно. – У меня нет оснований. И потом, здесь семья Президента. Десятки людей, которые общаются с ним.

– Да что вас так волнует, доктор?! Что Президент окажется не в таком состоянии, в каком вы его опишете в медзаключении? Так мы его мигом превратим в такого, каким вы представите его миру. И потом, для вас уже не секрет, что очень скоро Русаков будет арестован, так что, кто знает... Возможно, этим своим заключением о недееспособности, невменяемости... еще и спасете его.

Григорьев поднялся и несколько мгновений смотрел прямо в глаза генералу. Невысокого роста, худощавый очкарик этот мог бы служить эталоном советского «интеллигентика», из тех, что в свое время тысячами проходили через кабинеты следователей НКВД. Сейчас он был похож на одного из таких обреченных, который только что выслушал смертный приговор «тройки».

– И все же вы не заставите меня сделать это. Я – врач, и никогда...

– Сказал бы я тебе, кто ты... – с презрением процедил Ротмистров, окатывая его взглядом, преисполненным презрения и ненависти. Попадись ему этот докторишко лет несколько назад, когда он, тогда еще будучи полковником, руководил следственным управлением КГБ... Этот вшивый интеллигентик не продержался бы у него на допросе и десяти минут. – Но, думаю, случай еще представится, – мстительно процедил он. – Распустились тут, понимаешь ли, совсем страх потеряли!

Уже у двери доктор неожиданно остановил генерала. Оказывается, дурацкие вопросы его на этом не исчерпались.

– Видите ли, насколько я понял, вся резиденция Президента окружена и лишена связи.

– Ну и что из этого? – с вызовом спросил генерал.

– Может случиться так, что мне понадобятся лекарства. Из тех, которыми я здесь не обладаю. Могу ли я в таком случае съездить в Севастополь, или каким-то образом связаться с коллегами по телефону?

– Если каких-то лекарств нет у вас, в Севастополе их тем более нет. Забыли, в какой стране живете?! Отсюда, с дачи, без особого разрешения никто не выйдет. И боюсь, что разрешения давать будет некому.

21

Обед проходил «в тесной и дружественной...». Слегка подвыпив, Елагин все время пытался продемонстрировать русско-казахскую «нерушимую», в лучших традициях советских времен, и при этом конечно же обнимать Кузгумбаева. Эти объятия очень напоминали ритуально компартийные поцелуи Брежнева, от которых лидеров всех уровней воротило до тошноты и рвоты, но, как и его предшественники – в ситуации с Леонидом Ильичем, лидер казахов стоически терпел это.

Ну а после обеда, как водится, прощальный концерт. Лучшие коллективы в национальных костюмах. Несколько танцев, несколько песен. В пределах получаса. В очень узком кругу. За необъятной пиалой чая.

На сцене уже появился «заключительный» ансамбль народных инструментов, когда, ощутив легкое прикосновение чьей-то руки, Кузгумбаев оглянулся. Это был первый помощ-

ник президента Отарбек. Только он имел право в такие минуты прикоснуться к руке Отца Казахов, отвлекать его, привлекать свое внимание.

Не произнеся ни слова, Отарбек выразительно повел подбородком в сторону стоявшего в трех шагах от них начальника республиканского Управления госбезопасности Воротова. Он был единственным из ведущих республиканских руководителей, русских по национальности, которых Кузгумбаеву, в его яростном движении за национализацию кадров, так и не удалось заменить казахом.

– Пусть приблизится, – сквозь полустиснутые зубы процедил Казах-Ата.

– Нельзя. Просит подойти. Конфиденциально.

Кузгумбаев уничижительно взглянул на первого помощника: «Кто к кому должен подходить?!», но тот, мужественно стерпев его взгляд, как служебную оплеуху, кротко объявил: «В интересах». И этим все было сказано.

Президент знал: свое «в интересах» первый помощник произносил лишь в тех случаях, когда надо было поступать только так, и не иначе, поскольку это действительно было в его, Кузгумбаева, интересах. А заметив, что Казах-Ата поднимается, уточнил:

– Разговор по поводу русского гостя.

Кузгумбаев извинился перед Елагиным, произнес: «Я на минутку» и отошел.

– Нужно задержать отлет Президента России, – безо всяких вступительных слов произнес Воротов. Он хоть и был из русских, но из местных, казахских, из давно осевшего в столице уральского казачьего рода. Главный кагэбист республики неплохо владел казахским, хорошо знал местные обычаи и навсегда усвоил для себя, что служить нужно тому хозяину, на территории которого... служишь.

– Что значит, «задержать»?

– Так велено.

– Понятно, что велено... Да только велено было вам, и потом...

– Хотя бы на час. Хотя бы...

– Но у него вот-вот вылет, – рванул Кузгумбаев манжет рубахи над часами. С Воротовым они знакомы были еще с тех времен, когда в казахских верхах никто и бредить не смел о должности президента.

– Знаю, вылет. В шестнадцать. Но Москва требует задержать его; во что бы то ни стало – задержать.

– Во-первых, какая такая Москва, если речь идет об отлете Президента России, а не Союза? Кто конкретно?

– А кто еще может потребовать у меня, кроме Президента Русакова, который непонятно где находится сейчас, и шефа КГБ?

Кузгумбаев знал, что, по казачьей вольнице своей, Воротов никогда не испытывал перед московским начальством ни страха, ни подбострастия. Но на сей раз он явно выглядел встревоженным.

– Корягин хочет задержать самолет Президента России? Прекрасно, пусть задерживает! Но не в моем аэропорту. Мне международный скандал не нужен.

– Он никому не нужен. – «Уже, видите ли, “международный” – резануло слух Воротова. – Быстро же вы тут все особачились!»

– Пусть приземлят его в своем Волгограде, и делают с ним, что хотят.

– Такая версия тоже отрабатывается, Оралхан Изгумбекович. Но она нежелательна. Крайний случай. И столь же крайне нежелательный.

У Воротова благодушный вид хитроватого сельского дядьки, некстати напялившего на себя выходной костюм. Но Кузгумбаев знал, что за этой благодушной наружностью скрывается хитрый, настойчивый кагэбист бериевского пошиба. В свое время дед его, казачий

есаул, переметнулся к красным и сначала возглавлял дивизионную разведку, а затем – уральскую краевую ЧК.

– Я не могу отменить вылет Президента России! – готов был взорваться Кузгумбаев. – Даже если этого просит шеф КГБ. Это ваши проблемы, вот и решайте их.

– Если будем решать мы, это в самом деле может вылиться в политический скандал. Если же задержите вы – всего лишь восточное гостеприимство, употребить которое в этот день я бы советовал вам очень настойчиво. – И, не удержавшись, едва слышно пробормотал: – Может быть, даже в интересах самого Елагина.

– И это – тоже забота вашего шефа, – поспешно парировал Казах-Ата.

– В том-то и дело, что нет, – внушительно произнес Воротов. И только теперь Кузгумбаев понял, что речь идет не только о том, чтобы самолет Президента России прибыл в Москву на час-другой позже; в эти минуты в Москве решается вопрос: «Что делать с этим самолетом, когда он, уже ночью, появится в небе России. Впрочем, почему России? Сбить-то его могут и в небе суверенного Казахстана».

– Послушайте, генерал, там что, действительно все настолько серьезно? – вдруг доверительно спросил Казах-Ата. Он знал, что Воротов слишком болезненно для своей должности реагирует на любое неуважение или хотя бы невниманье к себе и точно так же благодарно воспринимает знаки доверия высшего руководства Казахстана. Особенно сейчас, когда Союз – на грани развала, а Казахстан – на грани объявления полноценной независимости.

– Более серьезно, чем можно себе представить, сидя в Алма-Ате.

– А что же Русаков?..

– Вроде бы все еще в Крыму. И создается впечатление, что совершенно не контролирует ситуацию.

– Но он-то все еще?..

– Мне советов давать не положено. Но именно поэтому советую поддерживать нормальные отношения с Президентом России, а главное, не проявлять никакой активности, когда в Москве начнут происходить события, которые теперь уже неминуемо произойдут. Нашей республики они как бы и не касаются.

– Я ценю ваше умение «не давать советов», – едва заметно склонил голову Кузгумбаев. И тут же обронил своему первому помощнику: – Концертные коллективы – сюда. Немедленно. Все, какие есть. И еще... – хорошей водки.

– Какой именно? – машинально поинтересовался Воротов, хотя Кузгумбаев обращался к Отарбеку. Он и сам не прочь был бы присоединиться к пиршеству.

– Вам должно быть лучше известно, какую водку предпочитает Президент России. Для начала подадим ему «Русскую».

22

Спортзал размещался в овальном двухэтажном флигеле. Нижний, подземный этаж его был приспособлен под тир и зал по отработке приемов рукопашного боя – для чего здесь имелась целая система подвесных и действующих по принципу ваньки-встаньки манекенов, а также всего прочего, до чего только могла дойти мировая «спецназовская» мысль. Здесь же отливал лазурью прекрасный, на удивление Курбанова, вполне исправно функционирующий джакузи. Да и второй, наземный, зал тоже оказался напичканным всевозможными тренажерами для интенсивной накачки мышц и поддержания формы. Там же располагался небольшой, всего на две дорожки, плавательный бассейн.

– Черт возьми, не могли же они соорудить все это для одного-единственного обитателя «Интернационаля», пусть даже семейного. Что-то тут не то. Судя по тому, как оборудован

спортзал, этот фешенебельный уголок Крыма больше смахивает на тренировочный центр спецназа, нежели на один из корпусов пансионата. Пусть даже рассчитанного на политэмигрантов и членов их семей.

Войдя в раздевалку, Виктор уже не удивился, увидев на столе записку, составленную все тем же бисерным, по-школярски старательным женским почерком: «Тренировочный костюм – ваш. Спортивной подготовкой заниматься не менее двух часов утром и двух часов – пополудни. Ориентировочно, с десяти до двенадцати и с четырех до шести. Это избавит вашу голову от ненужной мечтательной дури».

Улыбнувшись, Курбанов вдруг заподозрил, что записка была составлена только что. Во всяком случае, уже сегодня, после того, как он еще раз поговорил с полковником Буровым. У майора вдруг появилось предчувствие, что за ним, за каждым его шагом, следят с помощью скрытых телекамер.

«А еще, – читал он дальнейшие наставления, – после бассейна вы непременно должны одеваться так, словно отправляетесь на обед в ресторан отеля “Континенталь”. Весь вечер проводить в костюме-тройке и галстуке, за столом пользоваться ножом и вилок. В аристократическом особняке – и вести себя надлежит по-аристократически. Разве не так?!»

Подписи опять не последовало. Зато появился «постскриптум»: «Все предписания выполнять строго и неукоснительно. В противном случае придется сменить место базирования. Отнеситесь к этому дружескому – было подчеркнуто – предупреждению со всей возможной серьезностью».

А ведь у нее армейский язык приказов, не допускающий никаких возражений. Похоже, что в устах женщины он становится еще более безапелляционным и жестким, нежели в мужских: срабатывает органическая потребность во что бы то ни стало подчинить себе мужчину, разрушить его волю к сопротивлению, почувствовать безраздельную власть над ним, повергнуть в трепетное преклонение перед собой.

Однако предаваться соблазнам спортзала Курбанов стал вовсе не потому, что этого требовала жрица сего храма. Майор успел забыть, когда в последний раз тренировался в подобных залах, да еще и с такими тренажерами, а потому не два, а почти три часа провел в секции рукопашного боя. Манекены оказались отличными, процентов на семьдесят заменяющими спаринг-партнеров. Причем расставлены были так, что создавалась иллюзия группового нападения.

Возвращаясь в основной корпус, Курбанов уже мысленно видел себя у холодильника – с его щедротами от полковника Букова. Однако его явно опередили. Заглянув на кухню, майор обнаружил, что стол уже накрыт, а по ту сторону его сидит женщина лет тридцати, с высоко взбитыми волосами цвета спелой ржи, с правильными, хотя и чуть удлиненными, чертами надменно-холодного лица и такими же холодными, ничего не выражающими бездонно-голубыми глазами.

«Не она! – мгновенно пронзило сознание Курбанова. – Нет, ну это явно не та, с электрички!»

– Задерживаетесь, майор, – без упрека, но с ледяным безразличием констатировала женщина.

Расстегнутый белый халатик небрежно прикрывал полные выпяченные грудышки; пухловатые ноги безмятежно вытянуты, словно женщина собиралась улечься или откинуться на спинку мягкого, совершенно не приличествующего стилю кухни дивана.

– Ну, если бы я знал, что меня так вот, – обвел рукой стол, – ждут...

– Вас ждет обычный обед. Или, может быть, вы собираетесь питаться исключительно бутербродами? – Глаза женщины по-прежнему оставались холодными, как две ископаемые арктические льдинки.

– Просто я считал, что...

– В принципе можете выбирать: то ли посещать столовую, в которой для вас будет отведена отдельная кабина, то ли...

– Значит, я буду питаться... еще и в столовой? А то я уж подумал было...

– Вы не ответили на мой вопрос, – опять прервала его ржановолосая. И только теперь Курбанов обратил внимание, что женщина говорит с отчетливым, таким знакомым ему, прибалтийским акцентом.

– Если обед будете доставлять вы, то...

– Это не имеет значения, кто именно будет доставлять его.

– Не согласен, еще как имеет.

– Доставлять буду только я. Потому что только я имею право делать это.

– В таком случае от кабинки, пожалуй, откажусь. С вашего позволения, сеньора. Причем с условием, что заботиться обо мне будете именно вы. Впрочем, вы ведь работаете по сменам.

– Вам нужна еда или женщина? – Ржановолосая поднялась и величественным жестом сняла салфетку с расставленной на столе пищи, тем самым подтверждая, что лично она склонна утолять его жажду пищей, а не ласками.

– А нельзя ли каким-то образом соединить эти две приятные необходимости?

– Можно, – все так же спокойно и бесстрастно заверила она, не поднимая на мужчину глаз и не изменяя выражения лица. Наливая в тарелку суп, она искоса проследила за тем, как Виктор пододвинул к столу кресло, однако попытку усесться пресекла жестко и решительно.

– Вы собираетесь садиться за стол с невымытыми руками?

Курбанов растерянно, как застигнутый врасплох школьник, взглянул на официантку, затем на свои руки, вновь на официантку.

– Пардон, сеньора. Я только что из бассейна.

– В бассейне рук не моют, тем более – с мылом. Там, насколько мне известно, плавают. Вам показать ванную комнату, майор?

– Спасибо, я уж как-нибудь сам, – поостыл в своих чувствах к ржановолосой Виктор, обратив внимание на то, что звание его для представительницы обслуживающего персонала не в новость.

Курбанова не столько задело ее замечание, как не хотелось терять те несколько минут, которые мог провести с ржановолосой, но которые уйдут на мытье рук. И потом, он не был уверен, что, вернувшись в столовую, опять застанет ее здесь.

– Когда я служил срочную, на первых же полевых занятиях, которые проходили в болотах, старшина заставил всех нас тщательно вымыть руки кипяченой водой из фляг. Подчинившись, мы старательно вымыли, и он лично осмотрел их. Знаете, что было потом? – Курбанов выдержал паузу, считая, что ржановолосая не удержится и спросит: «И что же было?» или скажет: «Не знаю», но вместо этого услышал:

– Потом вы достали свои невымытые ложки из-за запыленных голенищ, где они лежали между наваксенной кирзой и зловонными портянками, – все так же безынтонационно довела до логического конца его байку ржановолосая, – и стали есть. А старшине даже в голову не пришло ни сделать вам замечание, ни хотя бы осознать абсурдность своей требовательности.

– Именно так оно все и было.

– Ай-я-яй, кто бы мог предположить?! – безжалостно добила его ржановолосая.

Потерпев еще одно сокрушительное поражение, Курбанов молча отправился в ванную и долго, старательно отмывал там руки, чтобы вернуться в столовую с растопыренными пальцами, как хирург, требующий, чтобы медсестра облачила его стерильные руки в такие же стерильные перчатки.

– Не разделите ли со мной эту изысканную трапезу, мадам?

– Только что вы называли меня сеньорой.

– Это имеет значение?

– Еще какое! Вы должны определиться. Обращение к женщине – показатель цивилизованности мужчины.

– В таком случае попробуем еще раз: «Не разделите ли вы со мной эту изысканную трапезу, сеньора?»

– Меня зовут Лилиан.

– Так не разделите ли вы со мной эту изысканную трапезу, сеньора Лилиан? – стоически не сдавался Курбанов.

– Кто же приглашает к столу, тем более – женщину, в такой форме: «Не разделите ли трапезу?». Вместо того чтобы сказать: «Нижайше прошу разделить со мной трапезу». Кажется, вам приходилось работать за рубежом?

Лишь огромным усилием воли Курбанов заставил себя сдержаться, чтобы не послать ее к черту.

– Характер работы у меня был откровенно специфический. На дипломатических приемах показываться приходилось редко.

– Пятнадцати минут для обеда вам должно хватить. Я проведу их на втором этаже, у телевизора, чтобы потом убрать и унести посуду.

Она повернулась и чинно, почти не двигая плечами, как аристократка – в приемной императора, вышла из столовой. Рослая, прекрасно сложенная, с мощным торсом и столь же мощными бедрами, она вполне могла бы служить воплощением идеала арийской женщины. Виктор готов был поклясться, что и происходит эта ржановолосая из прибалтийских немцев. Но как раз в ту минуту, когда он собирался спросить об этом, Лилиан остановилась и, не оглядываясь, уточнила:

– Не терзайте себя. На самом деле я – латышка. В ваших русских фильмах, – резануло слух Курбанова это ее «ваших», – такие обычно играют немки. Чаще всего эсэсовки.

– То есть вы – из тех латышей, чьи деды были латышскими стрелками?

– Из тех самых. Хотя лично я никогда не гордились этим.

– Успокаивайте себя тем, что предками с подобной родословной теперь мало кто гордится.

– Только стоит ли их упрекать в этом?

«И сия “классная дама” собирается опекать меня?! Она будет моей связной?! – мысленно возмутился Курбанов, припомнив фирменную, ехидную ухмылку полковника Бурова. – Нет, дело не в предках ее, латышских стрелках, а в принципе... – Неужели нельзя было подобрать что-нибудь более “воодушевленное”?! Буров, он что... нюх самца совершенно потерял?!»

“Вам нужна пища или вам нужна женщина”?! Ты ж подумаешь: “латышский стрелок” выискалась!»

23

Путчисты все еще оставались на территории резиденции, когда Русаков поднялся, сначала на второй этаж своей виллы, а затем и на смотровую площадку.

Черный силуэт сторожевого корабля береговой охраны неподвижно покоился где-то между сумеречной синевой моря и млечной голубизной неба – далекий, недоступный и угрожающе-бесполезный.

С тоской взглянув на него, Президент поиграл желваками: еще вчера ему казалось, что он пребывает под самой мощной, продуманной и надежной охраной, какую только можно себе вообразить. Но сегодня понял, что все это время его жестоко обманывали, ибо самая большая опасность исходит как раз от того ведомства, которое призвано отвечать за его лич-

ную безопасность и безопасность государства – то есть от КГБ. И в этом смысле любой из «новых русских» полукриминалов мог куда увереннее чувствовать себя под прикрытием двух стволов своих отпетых наемников, чем он – под целой армией продажных кагэбистов.

Как-то ему на стол положили секретные материалы «О внедрении сотрудников госбезопасности в националистические движения союзных республик и провокационные разработки их с целью выявления наиболее радикальных элементов». В общем-то, материалы как материалы. Русакову приходилось просматривать сотни подобных, составленных по итогам различных кагэбистских «операций», а потому вряд ли он удосужился бы когда-либо вспомнить об этом докладе. Если бы не один факт. Не из современности, а из далекой истории, который как раз и приводился в этом материале в качестве примера выявления националистов способом национально-исторического, так сказать, раздражителя. И который буквально поразил Русакова.

В самый разгар освободительной войны Хмельницкий попросил турецкого султана, чтобы тот обеспечил ему охрану отрядом своих янычар. Узнав о такой просьбе, переданной через тайного турецкого посла, султан и его окружение, очевидно, опешили: сераскир казаков, этих извечных турко- и татароненавистников, ищет защиты у его янычар?! Однако охрану все же выделил. И приказал своим гвардейцам служить Хмельницкому так, как они служили бы ему самому.

До конца жизни Хмельницкий доверял охрану своей резиденции только турецким янычарам, не полагаясь при этом ни на своих казаков из отборных полков «чигиринцев» и «корсунцев», ни тем более – на запорожцев.

Просто из любопытства, из уважения к историческому факту Русаков попросил уточнить, так ли это было на самом деле, то есть подтверждается ли это какими-то документальными сведениями. И после нескольких дней копаний в каких-то там архивах клерки из аналитического отдела госбезопасности доложили: «Именно так все и было. Хотя украинские историки пытаются эти факты замалчивать. По крайней мере большинство историков».

Вспомнив об этом, генсек-президент вновь взглянул туда – на юг, на окаймленное морской синевой османское поднебесье, где, между ним и янычарами все еще восставал морской сторожевик, и неожиданно для себя подумал: «А черт его знает: может, именно там, в предместьях Стамбула, тебе и придется найти свое первое пристанище после побега из тобой же взбунтованной страны!» В ту же минуту орудия сторожевика, как ему показалось, грозно зашевелились, давая понять, что до янычар далеко, а до «десяти лет без права переписки...» – хоть сегодня, и в сей момент...

Впрочем, сейчас генсек-президента больше интересовали его собственные, в генеральские вицмундиры облаченные, «янычары», которые все еще неспешно прохаживались по территории резиденции, хотя и не имели на это никакого права. И для Русакова не было секретом, кто именно из кремлевских мурз прислал их сюда.

Стоя за стеклянным пуленепробиваемым ограждением, генсек-президент видел, как по территории суетились офицеры-связисты из госбезопасности, и как на ведущей к воротам аллее нервно митинговала «группа товарищей из Москвы».

Для Русакова это были самые напряженные минуты: «Уйдут или не уйдут?!» Неожиданно генерал-лейтенант Цеханов поднял голову и уставился прямо на него. Президент знал, что, по идее, различать его фигуру генерал не может: стекло не только пуленепробиваемое, но и затонировано таким образом, что стоящий за ним мог видеть все, что происходит на обозримом пространстве, причем созерцать как бы слегка подсвеченным и увеличенным; в то время как самого его не мог разглядеть никто, даже в самые мощные бинокли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.